

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Юрий Литвин

Психоделика. Книга для мертвых

Юрий Валерьевич Литвин

Психоделика.

Книга для мертвых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48452892

SelfPub; 2019

Аннотация

Обыкновенному работнику метрополитена снятся странные сны. Крестовые походы, тамплиеры, странная Реликвия, странствующие монахи-бенедиктинцы. Непонятным образом сновидения начинают оказывать влияние на его повседневную жизнь. Сон и явь, жизнь и смерть переплетаются самым причудливым образом. Содержит нецензурную брань.

Юрий Литвин

ПСИХОДЕЛИКА. КНИГА ДЛЯ МЕРТВЫХ.

Часть 1 «Никогда не засыпайте в наушниках».

... заснул я под Manowar, кажется «Hail and Kill» ...

Настройка параметров...

...Едва тронув поводья, я поехал вдоль рядов. Солнце так и не появилось. Облака окончательно сомкнулись в темную, непроницаемую броню и ангелы скрылись за ней навсегда. Ком подступил к горлу, так часто бывало перед битвой, и это меня обрадовало. Как, впрочем, и всегда. Натянув поводья, резко развернул Джигу и хрипло проорал прямо в лица первой шеренги, железную рукавицею своею, указывая в небеса:

– Они не придут! Мы сами придем к ним!

Бойцы невольно попятнулись, ибо морда Джиги, укрытая дьявольской маской смерти, смотрела на них в упор. Конь всхрапнул и встал на дыбы, подыгрывая мне. Я почувствовал, что завожусь. Так-то.

– Хранители оставили нас! И пусть! Зачем они тем, кто спешит на встречу к Богу? Ты! – ткнул рукавицей в бородастое лицо крепкого копейщика, – Кто твой отец?

Боец побледнел и сделал попытку упасть ниц.

– Стоять! – заорал я. Попытка грянуться оземь не удалась.

Губы зашевелились и боец произнес:

– Багги – Левша... Ваша светлость.

– Где он?

– На небесах.

– Как он погиб?

– В бою за короля...

– Да! За короля! – сделав паузу, оглядел внимательные лица пехотинцев, – Он погиб как мужчина, с оружием в руках, а не от старости и не от болезней. И теперь он там! Смотрит на нас, как все наши отцы, и отцы наших отцов!

Краем глаза я увидел, что конница противника начала движение, набрал больше воздуха в стянутую доспехом грудь и завопил, что было мочи:

– Пускай хранители помогут им! Если смогут!! Порвем это стадо!!!

– Ааааа!

Фигурки всадников постепенно увеличивались в размерах. Лорд Гэлуэй отправил посыльного на правый фланг и тот умчался, словно ошпаренный крутым кипятком.

– Порвем, да так, чтобы черти в аду замучились собирать их куски!

– Ааааа!!

Земля отчетливо дрожала под копытами вражеской конницы, а я уже просто вопил в диком хрипло-визгливом диапазоне:

– За короля! Стоять насмерть!

– Насмерть! – подхватили лорды, и мы тесной группой помчались вдоль рядов.

Всегда любил этот момент. За нами поднималась волна упоительного восторга. Я физически ощущал исходящую, от этих условно, еще живых людей, особенно тех, что стояли в первых шеренгах, где выживаемость минимальна, смешанную эманацию смертельного ужаса, надвигающейся смерти и непонятого примитивному разуму человеческому наркотического экстаза, от ощущения собственного «Я», вырастающего в сей переломный момент жизни до необъятных размеров. Да, такие мы есть, и с этим ничего не поделать. Давно замечено, что в смерти, как и в рождении, есть немало общего. Например, крик.

Столкнулись. Мы меж тем вознеслись на поросший травой невысокий холм, над которым гордо реял королевский штандарт, и теперь поле битвы было у нас как на ладони.

Смешные человечки вели только им одним понятную забавную игру. Сталкивались, рассыпались, падали со своих игрушечных лошадок, нанизывались вместе с ними на копья, умирали, выживали, стонали под копытами и сапогами, резали и кромсали плоть разнообразными железными предметами, истекали кровью, а некоторые, некоторые, заметьте, и я в этом уверен, при всем выше перечисленном, еще продолжали о чем-то мечтать и на что-то надеяться.

Такова суть человечья. На всем протяжении короткой сво-

ей жизни, знать о неизбежности скорой смерти, а если не скорой, то непременно наступающей, все равно, после долгой и отягченной болезнями старости, вплоть до полного помутнения рассудка, и все равно, надеяться на лучшее.

Первую волну мы сдержали, более того, противник достаточно крепко увяз в центре, словно пресловутая муха в янтаре, и, судя по всему с бараньим упрямством, будет ломиться туда же и впредь. Благо резервы позволяли это делать, учитывая почти тройное преимущество в живом материале. Действительно, зачем извращаться в тактических изысках, когда можно тупо навалить гору своих и чужих трупов, но при этом выполнить поставленную задачу и отрапортовать о тяжелой, но несомненной победе. А потом еще и награды получить.

Нет, с тем количеством воинов, я бы на месте Арни поступил по-другому, не потому, что я сентиментален, возможно, я тоньше, или изящнее, как вам будет угодно. Все-таки есть еще фланги, да легкая конница, арбалетчики... Да и тяжелая конница в конце концов. Где она, кстати? Ага. Разгоняется, ну вот, так и знал.

«Клубится пыль над бранным полем...» Скачут родимые, как по мне, так рановато, мои несчастные копейщики, держатся пока еще очень неплохо, и перемелют вашу конницу за милую душу, но мы не будем этого ждать. Поможем ребятам, поможем...

Вздохнув, я отдал короткий приказ и снова тронул пово-

дья. Гэлуэй недовольно покосился, но промолчал. Старый волк сразу все понял и как всегда расстроился, ну не любит он, когда я лично лезу в драку. Хороший он человек, душевный. Джига тоже сразу все понял. И не надо мне умничать насчет душевной организации лошадей.

Перехват выдался на славу. Скажу без ложной скромности. Гэлуэй, наверняка, был горд своим учеником и воспитанником, наблюдая все это с холма.

Мы выскочили, как черти из табакерки. Эти глупые всадники подняли копытами своих лошадей столько пыли, что наш удар оказался для них смертелен. Арни подозревал, что у нас есть для него сюрпризы, но, несмотря на отсутствие у него каких бы то ни было полководческих талантов, надо же хоть изредка подстилать, ту самую пресловутую соломку. Ан нет. Всадникам было больно, очень больно. Несколько минут все проходы на небеса были буквально забиты их отчаявшимися душами. Представляю, какая там, на небесах, вышла давка.

А мы что? Мы ничего. Просто воспользовались тактической безграмотностью полководца. Если Арни можно так называть.

В принципе, пред Всевышним все равны, но в бою зачастую преимущество получает тот, кто имеет страшного, закованного в железо коня, добрую кольчугу, желательно из дорогих, немного внезапности и щепотку везения в чересседельной сумке. Все это у меня сегодня наличествовало, и

потому успех был на моей стороне.

Ловя недовольные взгляды светлейшего лорда Гэлуэя, мы с Джигой снова поднялись на холм. Свита приветствовала нас одобрительным ропотом.

– И? – поинтересовался я.

Гэлуэй повел наплечниками:

– Без участия вашей светлости, конечно, никак нельзя было обойтись?

– Никак, тем более, что король нынче прихворал, – улыбнулась «Наша светлость». Любит он меня подразнить. Переживу. – Противник отступает.

Лорд кивнул:

– Я в курсе. Еще немного и я поверю в победу.

– Я верю в нее всегда!

Тут на холм взлетел посыльный от Локси. Локси командовал левым флангом.

– Ваша светлость! Лорд просит разрешения атаковать!

Мы переглянулись с Гэлуэем.

– Рано, – сквозь зубы и бороду процедил он. – Возможно это ловушка.

– Хм, отдать нам почти всю конницу, чтобы заманить в ловушку? Там и ловцов-то уже не осталось, – я расстегнул доспех и широко вдохнул пропитанный войной воздух. Стало значительно легче.

– И, тем не менее, я считаю, что это ловушка, – повторил лорд.

Я внимательно посмотрел на него и кивнул, все-таки в чутье старику не откажешь.

– Отправим туда сотню этого молодца, – я покрутил в воздухе девой рукой, – как его? Фер... Хер...

– Вертера, – подсказал услужливый Марк, прикрывавший меня справа.

– Угу, этого... Пускай сымитируют контратаку, и сразу, запомни, сразу назад. Все понял?

Посыльный кивнул и в тот же миг исчез. Я оглянулся, услышав странный хрюкающий звук слева.

– Что?

Гэлуэй был доволен и даже слегка улыбался в усы.

«Молодец, мальчик!» – говорили его прищуренные глаза старого хитрого лиса. Или волка? Короче, лисоволка. Все равно он был доволен своим учеником.

х х х

Помню в детстве, часто мне снился один и тот же сон. Раскаленная каменная пустыня, палящее с безжалостных небес солнце. Набитый песком рот и я, ползущий неведомо куда в истерзанной, превратившейся в ключья одежде. Иногда я умирал, иногда нет, терял сознание... Согласен. странно терять сознание во сне, но клянусь я не преувеличиваю, это было. Ощущения от кошмара были настолько реальны, что я просыпался в холодном поту, лежал в своей до боли знако-

мой комнате и не мог поверить в то, что все это всего лишь сон.

Обычно после этого я заболел. Болезни были неприятными и сопровождались высокой температурой. Меня начинали активно лечить и вскоре я выздоравливал. Но проходило время, и сон возвращался опять.

Родителей своих я не помню, только тетю Валю – воспитательницу нашего детского дома. Добрейшей души была женщина, Царствие ей Небесное... Очень она за меня переживала. Книжки разные всегда приносила, интересные. Благодаря ей и частым болезням, я много перечитал в детстве. Хотя учиться так и не полюбил, ну скажите на милость, какая учеба в дурдоме, в смысле в детдоме? Да и не приветствовалось у нас это как-то. Не любили мы умных. И умные тщательно ум свой скрывали.

Потом я вырос, и сны прекратились, и простужаться я перестал. Вытянулся в росте за 185, выучился в училище, простите за каламбур, на слесаря третьего разряда... Так-то вот. Работать пошел. Потом два года на пользу родине. Водку пить научился по-человечески. Но с тех пор я возненавидел пустыни и все, что с ними связано. Ну не любил я их, что тут поделаешь? Наверняка, и у вас есть подобные детские комплексы. Как без них. Вспомните, обязательно есть нечто подобное, что вызывает у вас стойкое отвращение.

В последствие, читая некоторые статьи известных психологов, я узнал, что многие люди даже не помнят своих дет-

ских кошмаров, но они плотно сидят у них в подсознании и по мере своих сил оказывают воздействие на последующие поступки. О как!

Мне в этом плане, можно сказать еще крупно повезло. Свои ночные кошмары я помнил, и как требует сюжетная линия повествования, в один прекрасный момент все вернулось. Впрочем, обо всем порядку.

Когда-то я пытался писать, мне казалось, что я способен создать мудрую книгу, наполненную собственными переживаниями, но потом почувствовал, что совершенно не хочется, чтобы о моих переживаниях кто-нибудь узнал. Зачем? У людей своих переживаний хватает, и к тому же неприятно, если попадется кто-то, кто начнет копать во всем этом, или того хуже вымерять линейкой черепушку повествования. Неприятно это, мерзко и некрасиво. Некрофилией пахнет. Потому книги я писать бросил, а вот сохранившаяся вредная привычка делать заметки осталась, чисто для себя, главное все это успеть уничтожить, перед тем как ступлю на Путь, единственно верный и правильный. Но с другой стороны, должен же я как-то развлекаться в свободное от приносящей основной доход работы время? Вот и подумайте теперь любезнейший Ватсон о том, как мы будем коротать тоскливые осенние вечера...

Точная настройка...

Где-то за стенкой тихо играет Jimi Hendrix... Чей там? Ага... "Purple Haze"... Медленно проваливаюсь в сон... или это сон наваливается на меня...

На приступ пошли только семнадцатого, сообразив, что тянуть дальше нет никакого смысла. Люди волновались и рвались в бой. Командиры угрюмо молчали. Каждая ночь уносила несколько жизней, лазутчики из крепости делали свое дело умело и совершенно бесшумно. Хотелось скорее покончить с затянувшейся осадой, но приказа все не было. И наконец, дождались.

Ударили разом и со всех сторон. Противник оказался не готов к подобному натиску, а быть может просто смирился с неизбежным. Долгое ожидание выплеснулось кипучим потоком, сметающим все на своем пути. Венецианцы подвели корабли прямо под стены города вплотную. Люди карабкались по мачтам и снастям и переваливались внутрь.

И уже на стенах изливали на врага всю накопившуюся за время осады ярость. Таким нехитрым образом удалось захватить несколько башен.

Видя, что все плохо, противник от отчаяния бросил в бой огромное ополчение, где были собраны все, кто только мог держать в руках оружие, включая стариков, женщин и даже детей. Их было никак не меньше ста тысяч человек, но плохо обученных ратному делу, и собственно единственное, что они могли сделать, так это умереть. И делали они это страш-

но. Как коровы на бойне. С тем же застывшим выражением тоски в глазах. Создавалось впечатление, что они были чем-то очень напуганы эти бедные умирающие люди, толи, рассказами о наших зверствах, толи свирепостью своих начальников, а скорее всего невидимой за этой толпой линией вооруженных гвардейцев, которые перекрывали этому живому щиту пути возможного отступления. По отрешенному виду этих несчастных горожан было заметно, что они уже не здесь, а там... В ином мире, и им совершенно все равно, где погибать, за стенами города, или снаружи. Многие просто падали на колени и молились, выпустив из рук свое нехитрое оружие, матери прятали за собою детей, дети орали. Это было очень странное сражение.

Мы двинулись строем, сомкнув щиты. По опыту знаю, что это производит впечатление на противника даже весьма искушенного. И этот монотонный, леденящий кровь стук. Крики несчастных усилились, но что нам-то было делать? Они перекрыли собой дорогу.

Прозвучала команда и арбалетчики дали первый залп прямо в упор этой разношерстной толпы. Промаяхнуться было практически невозможно. Каждый дротик нашел свою цель. Истошный вопль сотни голосов был ответом на залп.

Щиты сомкнулись с глухим стуком, перезарядка. Второй залп довершил дело, но болты полетели уже в спины. Противник дрогнул. Чего напрочь не было у этого воинства, так это боевого духа. Да и откуда ему было взяться?

Когда пролилась первая кровь и изрядно пролилась, перепуганная толпа горожан помчалась назад в город, давя саму себя и тех, кто думал отсидеться за их спинами. Они рвали своих гвардейцев, подобно тому, как голодный бешеный пес рвет случайно подвернувшуюся ему добычу. Они словно мстили своим же защитникам за все, что случилось. Нам оставалось только войти в город вслед за ними.

Ишмет держался справа от меня, я помню его изумленные глаза и постоянное цоканье языком, а Патрик был справа, в своей неизменной помятой, надвинутой до самых бровей каске. В тот день мы толком и не вступили в бой, а все уже было предрешено.

Отброшенные назад в город люди стали в панике разбегаться по своим и чужим домам, они прятались в подвалах и сараях, а некоторые особенно усердные стали нам помогать, выдавая собственных командиров и некоторых, по их мнению неблагонадежных сограждан. Нашлись и такие, что вместо того, чтобы пытаться хоть как-то остановить неприятеля, присоединялись к нам и спешили к дворцу, вознося хулу императору и роду его. Как говорили древние: «Ничто так не преходяще, как слава мирская!». Бунт был успешно поддержан, и на том героическая оборона завершилась. Во славу Креста!

На следующий день говорили, что контрибуция составила около тонны золотом, и это было лишь то, что собирались отправить во Францию.

Глава I

Pink Floyd “Hey You”

Явь

Крысы в метрополитене жили и жили весьма успешно. Гигантские. Размером с человека. И головы у них были человеческие, и руки, и ноги, и одевались они неплохо, кое-кто даже имел личный или служебный автотранспорт. Но в душе они были крысами. Как там... Мышки были маленькие и бегали очень редко, а вот крысы... Ну да, где-то так. Их было вполне достаточно для того, чтобы отравлять жизнь подавляющей части подземного населения, которую, как и везде, составляли в целом нормальные мужчины и женщины, которые собственную значимость ощущали два раза в месяц, читай, аванс и получка, когда после принятия на грудь можно было гордо ее выпятить и рассказать окружающим, что без меня и подобных мне метрополитен и дня бы не проработал. А вот начальство не столько помогает, сколько ставит препятствия нормальному производственному процессу. Но увы, как говаривал незабвенный Корвин: кладбища полны людьми которые при жизни считались незаменимыми, и оттого все возвращалось на круги своя, мышки работали, прочие руководили, а электрички бегали по туннелям, по кругу

по кругу, по кругу... Эх, я завернул, ну да ладно... Короче, жадные жестокие старые дети. Те что никак не наиграются в свои неприглядные кровавые игры.

– А я у тебя бизнес отберу!

– А я воспитательнице пожалуюсь.

– А я...

И так до бесконечности. Но это на самых верхних уровнях, у нас-то попроще, но принцип тот же, да и крови поменьше.

Как говорили мудрые, во многом знании – многие печали. Вот оттого, наверное, действительно люди мудрые, ни в коей мере, мудрости своей при жизни не выказывают. Ни к чему это им, оттого изредка встречая подобных индивидуумов, не переставал никогда поражаться их умению скрывать, нивелировать и отчасти даже искусственно кастрировать остроту собственного ума при общении в первую очередь с «крысами».

Вот и сегодня в ожидании второй ступени, наш бесспорно великий и могучий мастер Карп Захарович, быстренько разогнал по станциям личный состав вкупе с дежурным персоналом, а мя грешного нагнул на святое дело обновления маркировки слесарного инструмента.

Благо приедет проверяющий, глядь, а маркировки обновлены, он подумает: «О! Обновлены маркировки». А рядом висит такой же точно стенд, но не со слесарным инструментом, а с защитными средствами. А вот тут-то и заключалась

хитрая мудрость Карпа Захаровича. Он сказал:

– Защитные средства не обновляй!

Не поняли? Поясню.

Проверяющий два стенда на контрасте увидит, обязательно замечание напишет – обновить стенд защитных средств, и довольный после этого уйдет, и счастливой ему дороги. Замечание плевое, несерьезное, и ему хорошо и мастеру. И у всех остальных желающих создастся устойчивое впечатление того, что в службе работа поставлена, как положено. Конечно, не без недочетов, но у кого их нет? А тут все наглядно. Замечание, срок исполнения пятого? Пятого. Исполнено? А как же. Красота!

Восхищаюсь я, значит, мудростью мастера своего и потихоньку маркирую слесарный инструмент. Работа это неспешная, суеты не приемлющая, и приятная глазу к тому же. Мне на похмелье, самое то. Благо сотку с утра в раздевалке уже провалил, и прямо сейчас расслабончик легкий по телу пошел. Сейчас бы это дело повторить, организм мой говорит негромко, и подремать, мозг ему вторит. Я про себя киваю и конечно с этими серьезными внутренними голосами не спорю, но при этом, шепчу им, чуть попозже. Они говорят: «Ааа!» и утихают. Знают ведь, не обману их, не обману.

Тем более, что перед приездом высоких гостей, мне с участка надо будет по любому исчезнуть, не зачем им на меня смотреть. Мне так Карпуха и сказал с утра.

– Промаркируешь, и свалишь на Восстание, или еще, куда

не важно. Не хрен им на глаза попадаться.

И как всегда был прав. Не хрен. Заодно, и здоровье поправлю, а то до обеда сдохнуть можно с непоправленным. Якши?

Поехал, короче. На Восстание.

А в дороге главное, что, главное, чтоб весело было. Можно над пассажирами приколоться, но это не интересно, они и так пуганые, да и проблем потом не оберешься. Вычислят шутников в момент, и доказывай потом, что ты из лучших побуждений пытался билетика по вагону проверить.

Был у нас один такой приколист. Народ же замученный в электричке едет, весь в мыслях своих, вокруг вообще ничего и никого не замечает. Ему, народу, без разницы в маршрутке ехать в метро или на пригородном паровозе. А всюду требования.

Вот и начинает в ответ на приказ: «Предъявите билетик, гражданин!» лихорадочно по карманом шарить, и очень удивляется, когда билетика не находит.

Потом-то уж до человека парадоксальность ситуации доходит, а уж поздно. Шутка удалась. Дурацкая. Ну, обматерили шутника пару раз по-русски, да разок по-украински, а ему хоть бы хны.

А вот нашелся бы кто-нибудь проникательный и потащил бы в первый отдел за попытку нажиться на пассажире через использование служебного положения, или еще там чего-нибудь в этом роде. И пиши письма, мелким почерком. Хрено-

вые это шутки.

Иногда и женщины наши могут приколоть, мало не покажется. Я как-то на работу ехал со своей станции, а там по утрам толпа такая, что только держись. Контролеры на крик исходят, мне б их нервы. Толпа валит, кто по жетонам, кто по удостоверениям, кто по поддельным удостоверениям, за всеми не уследишь. А неприятности подстерегают бедного контролера на каждом шагу. Чуть бдительность ослабишь, тут тебя и сдали, опять же камеры повсюду понатыканы, слежения, а пассажир-то непонятливый, у него свои проблемы имеются важные, ломит напропалую.

Ну и чего-то там у них произошло по-женски, то ли аппарат жетон проглотил, то ли удостоверение спорным оказалось. Кричит пассажирка:

«Пустите, опаздываю!»

Ей нормально объясняют:

«Иди в жопу!»

Она не понимает:

«Пустите!»

Ей опять:

«На выход, гражданочка не задерживайте пассажиропоток!»

Она, исчерпав все аргументы:

«Вы женщина, или нет?!»

И тут ответ, убойный:

«Я не женщина – я на работе!»

Ага? Ага.

С другой стороны и среди пассажиров идиотов хватает, это я вам вполне авторитетно говорю. Плавали, знаем.

Есть те, что в тоннель лезят, за интересом. Просто так, поглядеть, чего там во тьме?

Есть еще забавники, станут на краю платформы, голову в туннель сунут и смотрят туда, смотрят тупо. Дежурная по громкой связи орет, аж разрывается, а товарищу хоть бы хны. Пока поджопник от милиционера не получит, не угомонится.

Некоторые лезут в тоннель с улицы через вентиляционные киоски, таких отлавливает милиция и штрафует за порчу имущества. Ибо режут суки сетку рабицу, а бывало, что и двери.

Забравшись же внутрь столько можно всего придумать, что аж дух захватывает. Тут и краской из баллончика можно полметрополитена разрисовать, и украсть что-нибудь и напугать кого-то до полусмерти. Короче, гуляй – не хочу.

Можно еще просто на рельсы с платформы прыгнуть, а потом назад влезть, попугать кого-нибудь. Не с целью самоубийства, просто так. Кстати если счеты свести с жизнью пожелаешь, то тоже с умом надо под электричку сигать, а то сигают многие, а результат у всех разный. Ну да, чур, меня, чур.

Самые смешные, на мой взгляд, по электричкам бегают, сверху. Ага, прикол это такой, заскочить на последний ва-

гон, чтобы подальше от машиниста, и бежит через все пять в головной, пока стоянка. А там спрыгивает. Друзья шутника все это на камеру снимают и хохочут.

А есть еще придурки с огнетушителями побаловаться в вагоне, но это просто диагноз.

Одно обидно, никакая падла не докумекает про то, что кому то потом все эти художества придется разгребать. Ну не получается, чтобы само все восстанавливалось. Человеческий труд для этого приходится применять.

А в целом пассажиры у нас хорошие, мирные.

Вот и сейчас, залетел один в последний момент в вагон, чуть дверями его напололам взъерошенного не передавило, глаза чумные, горят как светодиоды на вывеске, еще и серьга в ухе болтается. Успел студент.

А тут дедушка такой сидит напротив и негромко так, чтоб все услышали, с апломбом комментирует голосом незабвенного Утесова:

– Ну, вот и все собрались, без этого пидораса никак не уехали бы...

Народ грохнул. Студент набычился, не сразу, а когда смысл сказанного дои него болезного дошел. Кричит:

– Сам ты козел старый!

А голосочек-то тоненький женский. Вагон так и покатился, а дед палкой об пол стукнул и отвернулся гордо, типа «не гоже мне со всякими меньшинствами в перепалку вступать!»

Молодец. Порадовал ветеран. Настоящий, как поется пол-

ковник. Студент только одну остановку и выдержал, выскочил на следующей и исчез.

Настроение хорошее на полдня обеспечено, теперь и поработать не грех.

Прибыл на станцию, записался у дежурной, прошел в венткамеру, и на фуфаечке в уголке задрях на полчаса, хорошо, блин! Сон еще приснился тот еще, как в кино и качество HD. Ярко так! Представьте, средневековье, и я вроде как команду армией, и битва... А чем кончилось не знаю, чудно!..

х х х

Сон

Бело-синее небо Венеции весело кружилось над головой. Облака неслись куда-то безумным карнавальным хороводом и напоминали венецианские маски. Ветер дул с моря и обещал скорое плавание. Я думал о грядущих испытаниях и пытался понять, что движет нами в этом отчасти безумном, отчасти чудовищно рациональном мире. Мы такие разные и такие одинаковые притом, со всеми нашими жалкими человеческими проблемами и желаниями, страхом смерти, и страхом жизни, пока находимся здесь, не понимаем смысла собственного пребывания под этим небом. Наделенные разумом и отчасти божественной сущностью, чувствуем себя

богами лишь под влиянием винных паров, а в остальное время боимся собственной тени и собственных поступков, постоянно сравнивая их с малопонятными догмами, изложенными в старинных книгах и вбитых в наши несчастные головы большей частью малограмотными сельскими священниками и иже с ними.

Как понять, что правильно, а что нет? Где та грань, за которой кончается добро и начинается тьма?

Бесстрастное небо ответа не давало. Жестокое солнце выжигало мысли мои одну за другой. Одну за другой...

Этот мир был прост и сложен одновременно. Я всерьез подозреваю, что сельские священники на самом деле были в курсе, но сознательно не давали нам этого понять. Вот вам небо, вот указующий на него перст. Держитесь этого, и будет вам рай. Все, достаточно.

А ведь если внимательно присмотреться к окружающей действительности, то по мере отдаления от перста, краски мира становились другими. Появлялись тени и оттенки, и попавшие в это сплетение полутонов с удивлением и растерянностью обнаруживали самих себя, окруженных непонятными, но такими заманчивыми соблазнами, видели ответвления главного пути и такие заманчивые кривые дорожки, что невольно допускали в свои несчастные головы мысль: «А правы ли были наши учителя?»

И сие шло вовсе не от скудоумия, не от неумения анализировать и адекватно реагировать, нет, это включались некие

внутренние аспекты человеческой сущности, некие резервы подсознания, когда организм кричал каждой клеточкой своей сущности:

«Вот оно! Хватай! Пользуйся!»

И хватали, и отворачивались от перста и от неба, и проклинали учителей своих и злую судьбу свою, и гибли так и не осознав греха, ибо жили во грехе, каждый в своем.

И лишь немногие знали, что можно быть и за и против, и отчасти над всем этим. И обладая достаточным знанием, постигали, что важно лишь придерживаться направления, а способ передвижения особого значения не имеет.

Я вздохнул тяжело и направился к стоящему на холме красивому замку, увы, я так и не сумел полюбить морские путешествия. И в глубине души ясно осознавал, что предчувствие скорой болтанки в жалкой посудине посреди неприветливых волн навевало на меня все эти мрачные мысли...

Арк всхрапнул и понес меня вверх по потрескавшейся дорожке, вымощенной, пожалуй, что римлянами, умели ведь строить на совесть, на века. Сейчас уже так не делают. Империя, рухнувшая несколько веков назад, напоминала о себе повсюду, когда я въехал в красивый тенистый парк, то внимательно рассматривал древние статуи пытаюсь определить их возраст, и не являются ли они банальной подделкой. Глядел, глядел, ничего не понял, кроме того, что это действительно красиво. Особенно впечатлил меня крупный бородастый мужчина сражавшийся со львом, по сути, голыми му-

скулистыми руками. И он и лев были выполнены в натуральную величину, и я невольно поежился, вжившись в образ. Лев был прекрасен, но по замыслу неведомого скульптора, похоже, что у него не было, ни единого шанса.

Жутко хотелось спать, при том, что уже вечерело, а мы с верным моим Арком проделали немалый путь. Однако, поручение, данное мне, отдых не предусматривало. С тех пор, как я покинул своего доброго наставника и выбрал для себя стезю рыцаря странствующего, необремененного собственностью и обязательствами перед сюзереном, я имел кроме Господа нашего одного только хозяина – самого себя. И пока мне не наскучила подобная жизнь, я брался за различные поручения, и выполнял их так хорошо, как умел.

Вы скажете, что я превратился в обыкновенного наемника? Пусть так. С одной только поправкой, наемники мы с Арком были необыкновенные, ибо брались лишь за ту работу, которая помимо прибыли приносила нам, мне удовлетворение. Арк был удовлетворен, когда был накормлен, напоен и обласкан, а я помимо этого тешил свое грешное самолюбие осознанием собственной исключительности, ибо обожал сложные, подчас неразрешимые задания. На востоке, как когда-то рассказал мне Гийом, а уж Гийому можно верить, он по праву считался одним из самых светлых умов нашего смутного времени, существовал орден ассасинов и об этих парнях ходили самые сказочные слухи, об их умениях и навыках, об их исключительных дарованиях, неприсущих

простым смертным. Я тоже умел кое-что, ибо славные люди обучали меня искусству войны, но честно скажу я, мечтал бы пообщаться с этими отважными воинами поближе. Хотя сомневаюсь, что они стали бы меня обучать искусству. Убили бы по-тихому, как умеют и все. Глубоко внутри я очень их уважал, и даже где-то пытался подражать, если позволяла ситуация.

И еще, если бы поблизости существовали драконы, я бы их тоже навестил. Но поблизости их не наблюдалось. Честно скажу где-то в глубине души я все-таки верил в их существование, но увы-увы... Учитывая отсутствие сих загадочных и, не побоюсь этого слова, легендарных созданий в последнее время я плотно сотрудничал с орденом тамплиеров и как раз сейчас по поручению одного моего знакомого магистра, клянусь он бы убил меня на месте, если бы узнал, что я так непочтительно его называю, должен был встретиться с неким весьма приближенным к сильным мира сего и обсудить одно интересное дело. Этот самый магистр часто обращался к моим услугам, когда орден не хотел быть втянутым во что-нибудь сомнительное. А я как вы уже поняли, был только рад, тем более что рыцари платили исправно и вовремя, что было весьма удобно и не побоюсь этого слова приятно. Хотя у ордена и своих умельцев хватало, это я к тому, чтоб вы не подумали, что я такой уж совсем исключительный и незаменимый западный ассасин.

Арк презрительно фыркнул и я понял, что последнее сло-

восочетание произнес вслух. Это у меня бывает, ибо большую часть времени я разговариваю сам с собой. Ну и с конем конечно, а он не любит, когда я хвастаюсь без причины.

Я предъявил Знак встретившим меня молчаливым смуглым стражам, одетым в восточные одежды и они предложили мне спешиться, дав понять, что о коне позаботятся, как о себе. В этом я не сомневался нисколько, Знак давал мне такое право, а статус особы, к которой я прибыл на переговоры, позволял надеяться на то, что с моим фыркающим другом будут обращаться достойно. Важно кивнув напоследок, я проследовал за столь же молчаливым слугой туда, где ждал меня...

х х х

Глава II

Rhapsody of Fire “Danza Di Fuoco E Ghiaccio”

Явь

...Я так и не понял, кто меня там ждал. Снова снилось что-то историческое. Италия походу. Или Испания. Нет вроде Италия. Такое вот у меня было внутренне стойкое впечатление. Видимо перечитал Реверте. «Учитель фехтования» и прочее. А почему все-таки тогда не Испания? Фиг знает...

Но красиво, ярко так, красочно. И замок этот на холме. Море... И ощущение того, что я не местный, а вроде как в командировке, что ли... Брр... Объяснил. Да ладно, не парьтесь. Ничего странного, и не такое снилось, бывало. Однако, как базлает один мой знакомый чукча, какое-то ощущение непонятное, вроде пил и в то же время мало... Нет не так... Короче сон из серии сильно заколдованных, в смысле реальных. Словно и не сон...

И сам себе я во сне понравился, длинный такой худощавый, но мускулистый. На баскетболиста похож профессионального, из НБА, которая фантастика, только не на черного, а на белого, типа Дирка Новицкого, только брюнета, и не в трусах, а в кольчуге такой из мелких колечек, и в плаще длинном, и вместо кроссовок, сапоги высокие, даже не сильно стоптанные, удобные, короче, для верховой езды и вообще...

В общем, анекдот слушайте, было у отца три дочери. Пришла пора их замуж выдавать. Че делают в таких случаях нормальные отцы? Правильно, берут лук со стелами и пуляют в белый свет, как в копеечку. Первая стрела сбивает олигарха, а кого ж еще? Их понимаешь, тут как свиной нерезаных. Ага. Кричит отец старшей дочке:

«Беги, подбирай!»

Той только того и надо, побежала, подобрала.

Вторая стрела сбивает банкира, немолодого, но при баблосе. Средняя дочка считай, тоже пристроена.

Ну а младшенькой, как обычно – засада. Сбивает стрела бегущего по лесу дикого кабана. Ну, прикиньте, бежал себе зверюга по лесу, тут ему стрела в зад. Он и упал, лежит, в себя приходит. Мало ли... А батя довольный такой, руки сполоснул, лук спрятал и говорит младшенькой:

«Давай, чеши, подбирай свое счастье...»

Та в лес, бродила, бродила, нашла кабана, а тот глядит девушка симпатичная, притворился тяжелораненым и глазки свои хитрющие прикрыл. Холи им кабанам, какая-то стрела в жопе. Дурочка руками всплеснула, к зверюге кинулась, давай хлопотать, и вслух сама с собой разговаривает:

«Ой! Это ж, наверное, принц заколдованный мне попался, надо его поцеловать, и он в человека превратится!» Ситуация...

Кабана от смеха разрывает, но терпит, паразит, молча. А та его все целует. Кабану по фиг, конечно, но приятно, давай ей бока подставлять. Младшенькая глядит – пошел эффект, давай еще сильнее целовать, и бока паразиту вычесывает, тот прибалдел, конкретно, возбуждился, и наконец, говорит человеческим голосом:

«Я сильно заколдованный, тут поцелуем не обойдешься, тут сосать надо!..»

Весело? Отож, такая вот история... К чему это я? А просто, вспомнилось. Теперь продолжим...

Размышляя о превратностях быстротекущей жизни, я пришел к возможно не оригинальным, но вполне закономер-

ным выводам о том, что какают все люди одинаково, а у савана карманов не имеется. Из этого постепенно сложилась целая философия, и в собственных глазах я уподобился как минимум старику Конфуцию. В связи с этим, и отношение мое к окружающим стало соответствующим. Отрицая ценность материального, философия сия, не исключала наличия минимального комфорта, а ля, кусок хлеба и крыша над головой, но всерьез отпугивала от меня женщин. Это было даже хорошо, потому что «одного раза» никто не отменял, а последующие половые акты с одной и той же партнершей были мне малоинтересны. Как правило. Были, конечно, и исключения, но правила никто не отменял. Они, как обычно, лишь подтверждали их.

Так я и жил лет примерно до сорока, ничем особо несвященный и пристрастий, выходящих за рамки моих скверных привычек не имевший.

Ну а иначе-то как? Как, спрашиваю я вас? Ну вот, сижу, не трогаю никого, конец рабочего дня. Дремаю, обняв телефон, благо мастер куда-то срулил и оставил меня за старшего, на телефоне. Наверняка, где-то существует параллельная реальность, в которой никто не желает звонить, по этому странному внутреннему номеру 56-87, так? Так. Однако, какая-то сволочь все-таки звонит по этому номеру. Разрывая защитное кольцо благодатной дремы над моей похмельной головой, и вынуждая меня, матерясь во всю мочь моих слабых прокуренных губ, отрывать тяжелую голову от рук и

прикасаться к холодной, неприятной, словно змеиная кожа телефонной трубке, и шептать в нее:

– Пятый участок...

По правилам надо еще и фамилию называть, но только не мне, и не сегодня. Обойдутся, кто б ты ни был, неизвестный, хоть господь Бог, хоть Диспетчер.

– Шаповалова мне позовите! – визгливый неприятный женский голос. Похоже на начальницу мелкого калибра. Явно не из нашей службы. Только этого мне не хватало.

– Нету, – отвечаю.

– А где он? – вполне естественный вопрос для подобного развития разговора.

– В жопе, – тоже довольно логично отвечаю я, делаю отбой и кладу трубку рядом с телефоном.

А как иначе? В этом до чертиков логичном мире странная начальница попробует перезвонить по этому номеру либо для того, чтобы все-таки разыскать своего неуловимого Шаповалова, либо для того, чтобы наказать неведомого мерзавца, злостно скрывающего местонахождение вышеуказанного работника. Или, не дай Бог, тоже НАЧАЛЬНИКА.

Тут вообще отдельная тема. Мрак. Это примерно как наблюдать за огнем, водой и тем как другие работают. Вечно это наблюдать можно.

Превращается человек в НАЧАЛЬНИКА медленно и незаметно для глаз. Исполдволь, изо дня в день, но уверенно, если имеет к этому делу внутреннее предрасположение. Сна-

чала начинает по-тихому убегать от своих товарищей после работы, ссылаясь на неотложные дела. Это значит, что кто-то ему пообещал, что у него появилась перспектива возвыситься. С глазу на глаз пообещал. И понеслось:

– Ты на водку идешь?

– Та не мне надо в одно место...

– А ну понятно...

– Та не я серьезно, у меня там...

И далее в таком же духе. И ничего уже не сделаешь, пропал человек. Начальничек в нем завелся. Укусили, блядь.

Потом через время, глядишь, командовать подлец начинает: «Ты, мол, давай туда, а ты, мол, держи так».

Сделаешь замечание – обидится, выскажешь подозрение – надуется и в сторону отойдет, и оттуда на тебя глазами злобно зыркать начинает.

И самое страшное – бороться бесполезно, он сам себя уже воздвиг на пьедестальчик. Пока маленький, но от великого до смешного, как известно...

А потом, глядишь, туда-сюда, через месяц другой, исчезает человек, и приходит на соседний участок, надутый припезденный индюк, и сообщает:

– А я ваш новый мастер, и зовут меня теперь не Петя – Коля, а какой-нибудь Петр Парамонович, и попрошу шепотом и на вы, и попрошу на работе не бухать, и во-время на нее родимую приходите и уходите с нее тоже соответственно.

И звонят потом люди, и интересуются, как вы мол, в сво-

ем в целом здоровом коллективе такую падлу воспитали? И ответить им нечего.

Вот когда я стану начальником, мне дадут отдельный кабинет, и я буду в нем сидеть. Но не просто сидеть. На дверях кабинета я напишу: «Водка. Кофе. Кунилингус». Как-то так... Да. Но пока этого не случилось, мы обойдемся скромной раздевалкой с неудобными лавочками и опасным столом.

Я встряхнулся и пошел в раздевалку, а там уже народ кучкуется, и не просто так, а со смыслом. И смысла походу и на меня хватит. Я выпил предложенную рюмочку и объявил:

– А сегодня у нас в программе секс с загорелыми мулатками, тигры, пеликаны и розовый фламинго в гламурных шортах. Но пока мулатки задерживаются, я предлагаю отведать «тамянки» из лучших сортов...

– Ты где уже пизданул? – спросила уборщица Инна и так выразительно на меня посмотрела, что я тряхнул чубом и возвестил:

– И в ответ на ваши мысли, мадемуазель, честно отвечу: «Да, пизданул!» – возвестил и добавил, – чуть-чуть...

– Ага, два раза... – зевнула моя партнерша по распитию напитков и воскуриванию табачных изделий.

– Налей же наливальщик, это невыносимо! – продекламировал я кого-то из Самойловых, и Инна приняла это за основу.

Забулькало, цокнулись. Понеслось. Примерно минут че-

рез десять мир потерял свои четкие очертания и стал приятным на ощупь, как фланель. Не знаю что это, но звучит красиво, даже, скажу вам, высокохудожественно звучит.

Пропал человечек. Совсем.

Слава Богу, конец рабочего дня и можно потом идти домой, и спать, спать, спать...

х х х

Сон

За стрельчатыми окнами замка понемногу темнело. Замку явно было лет сто, а то и все двести, сейчас таких уже точно не строили. Ожидание затянулось, и я уже серьезно подумывал о том, чтобы выбрать один из двух возможных вариантов. Повернуться и уйти, либо стукнуть в закрытые створки украшенных бронзой дверей и привлечь внимание того надменного дворецкого, который около получаса назад напыщенно бросил мне:

– Ждите!

После чего ушел доложить хозяину в своем нелепом наряде, делавшем его похожим на евнуха, как я их себе представлял, хотя если честно не видел никогда. Но как по вашему может выглядеть мужчина, лишенный, ну этого самого, а про евнухов, именно так, говорил Гвидо-премудрый, доверять которому я привык, хотя и подозревал, что половина

его странных историй придумана им же самим, или подслушана у бывалых, но тоже любящих приврать моряков в какой-нибудь таверне у порта.

В этот самый момент двери отворились снова и «евнух» слегка кивнув, произнес:

– Прошу вас.

Герцог оказался довольно неказист для столь громкого титула, а ведь он был в свите короля при Дорилее... Да мало ли кого там не было?

Не скажу, что с тех пор как я оставил своего неугомонного наставника, слишком часто общаюсь с подобной публикой. Да и раньше в основном это происходило в походах и на поле брани. Верхом этого общения стал небольшой изумруд, пожалованный мне самим Ричардом, ныне королем английским, несколько лет назад находившимся лишь на пути к своему трону. Потом наши пути разошлись... С Ричардом и наставников, с изумрудом – нет.

Я представил это непропорциональное тщедушное тело закованным в броню, хотя тьфу, просто под наплечниками и панцирной скорлупой, и мне стало герцога немного жаль. Наверное у него были иные таланты, хотя бы потому, что именно к нему Де Фок отправил меня на встречу. Да еще и напутствовал, зная мой несносный характер, лишнего не говорить, больше внимать. Впрочем, все это я научился делать еще тогда, когда стал работать с этим старым лисом де Фокком. Он всегда любил порассуждать про Орден внутри Ор-

дена, ответственность за принятие решений. И прочее... Я это все научился пропускать мимо ушей, но иногда вставлял пару-тройку реплик, вгоняя магистра в состояние легкой прострации и скрежета зубовного. Потом, после нескольких успешно выполненных заданий он стал держаться проще, оттаял и перестал утомлять меня досужими рассуждениями. Почти...

А чего усложнять-то? Взять задание, получить задаток, выполнить задание, получить достойное вознаграждение. Все.

Мной были довольны, и я бывал довольным. Я уже упоминал, что с тамплиерами было приятно иметь дело?

Это вам не вассальная присяга, когда пашешь на доброго сюзерена от звонка до звонка практически за спасибо, а потом сидишь, подсчитываешь раны и думаешь, а не дурак ли я? Сэр Ричард конечно герой, но он отчего-то считал, что сражаться под его знаменами само по себе уже есть наивысшая в мире награда. А уж сгинуть за его великолепие – это просто песнь песней. Мой наставник тоже так считал.

А я нет. И оттого покинул этого глубоко симпатичного мне человека к вящему неудовольствию некоторых достойных рыцарей.

Двигаясь собственной дорогой, я стал тем, кем являюсь в настоящий момент, по моему собственному определению: рыцарем странствующим, безжалостным.

Смешно? Нисколько. Я знал многих достойных и благо-

родных персон, оставлявших за спиной недобитого противника, и потом от него же получавших рубленые и колотые подарки в свои благородные прямые спины.

И что потом? А как всегда в нашей быстротекущей жизни приходит разочарование, граничащее с отчаянием. А жизнь прекращается. Потому благородство это не мое. Зато жив пока.

Впрочем, человек, посвятивший себя военному ремеслу, быстро учится трезво смотреть на вещи и не требовать для себя многого. Тем более, что в награду наши командоры обещают почетные места по правую руку от Господа, правда, существенный момент, не в этой жизни.

Ладно, заказ принят, сказано прибыть – прибыл, сказано – личные инструкции герцога, значит личные инструкции, а герцог он, или царь ибелинский меня не касается. Тамплиеры платят, тамплиеры заказывают.

Хотя... Взгляд жесткий, профиль хищный, на ястребка похож. Имею я такую привычку людей с животными сравнивать. И вообще считаю, что мы тоже животные, посмотрите внимательно вокруг, и вы со мной согласитесь, чтобы не утверждала на этот счет официальная церковь. Ну, голова великовата, с кем не бывает. А ручки и ножки детские тонкие. Вырождаются герцоги, вырождаются...

Все эти немного сумбурные мысли промелькнули у меня в голове, пока шел обмен приветствиями и герцог также внимательно рассматривал меня, как и я его светлость. Потом

он отослал своего евнуха куда подальше, и я понял вдруг, что герцог меня нисколько не раздражает. Все дело было в этом идиоте дворецком. Вот ему бы я охотно влепил пару затрещин, просто так, за долгое ожидание аудиенции, за его чересчур гордую, как для слуги осанку, и просто, чтобы размять конечности. Оно, говорят, полезно.

– Давайте по простому, – предложил герцог, скользнув цепким взглядом по моему лицу.

«По простому, так по простому», – это явно пришлось мне по вкусу, времени жаль, да предисловий не люблю. Да, и герцог видимо знал, что я не из тех, перед кем необходимо ломать комедию, как принято в так называемом высшем свете. В конце концов, у нас чисто деловая встреча. Взаимовыгодная.

– Без лишних предисловий, – словно угадав ход моих мыслей, а скорее всего так и было, продолжил он. – Вы, я полагаю, человек прямой и неглупый, оттого, наверняка, догадались о цели нашей, скажем так, беседы?

«И тут вот непонятно, интересная манера говорить, вроде и спрашивает, а с другой стороны звучит как безоговорочное утверждение. Еще немного и я поверю, что под Дорелеей, он участвовал в схватке, а не просто наблюдал за ее ходом с холма».

Я медленно кивнул, решив открывать рот только в самом крайнем случае. Немного осторожности, еще никому никогда не вредило.

Герцог стал говорить, говорил странно, словно размышлял сам с собой:

– Ваш Координатор...

«Ого! Де Фок у нас еще и координатор, а не только плешивый осел?»

– Шесть рыцарей...шесть рыцарей испивших бурю...хм... никак не вспомню автора этих строк...– он внимательно поглядел на меня, я спокойно склонил голову под этим взглядом, совсем не нужно ему видеть, что у меня в глазах, – вас рекомендовали самым наилучшим образом, впрочем, иного я и не ожидал. Поэзия, тем более высокая поэзия, это, безусловно, прекрасно, но не в данный момент.

– ... в нашей миссии ставку делаем не на количество людей, а на их умения и опыт. Знаю, вы бывали в Святой Земле и лично знакомы с Ричардом «Да и Нет».

«Ого! А он шутник!» Это прозвище дали королю за то, что он часто менял ранее принятые решения, но знали об этом немногие.

– Возможно, при выполнении миссии пригодится умение выдать себя не за того... некоторое лицедейство. Вы понимаете?

Я многозначительно кивнул.

– Что отчасти по некоему недалекому видению, противоречит рыцарскому кодексу, но ведь мы с вами знаем, что многие великие рыцари прошлого для достижения победы не гнушались маленьких военных хитростей.

Он быстро взглянул на меня, я оставался недвижим, в тайне надеясь, что именно так должен вести себя Темный Намник Храма при подобной беседе.

Герцог кивнул и продолжил.

– Как вы понимаете, Сам... – он поднял глаза к потолку, что означать должно было некое наивысшее руководство, на которое мне как всегда было глубоко наплевать. Никого конкретно, но в тоже время весьма прозрачно, – не может давать подобные поручения. Более того, в случае провала предприятия, все, я подчеркиваю, все исполнители должны будут умолкнуть навеки с тем, чтобы даже намеком не дать повода к подозрениям. И не дай Бог, бросить тень на Орден и... – он снова сделал паузу, и продолжил, – того, с кем Орден сотрудничает в данный момент. Ибо всякий союз, пусть временный, но идущий на пользу делу Церкви, есть богоугоден. Априори...

«Эко, загнул!» – восхитился я про себя. И в очередной раз порадовался, что являюсь скажем так, внештатным сотрудником организации, и не связан Орденскими обетами и прочей дребеденью, которая так забавляла меня в общении с представителями этой достойной... Отвлечся, ну вот, наконец, прослушаю самое интересное.

– Но вы как достойный христианин, более того, как человек в руки которого Церковь вложила оружие, и призвала... Впрочем, это излишне, вы сами все прекрасно понимаете. Не так ли?

Впервые за время беседы мне задали конкретный вопрос. Понимая, какой герцог желает услышать ответ, я коротко кивнул и ответил:

– Да.

– Отлично! – герцог зябко потер ладони и повторил, – отлично! Мы не ошиблись в выборе, думаю, другие участники экспедиции, а в дальнейшем будем именовать наше предприятие именно так, нас тоже не разочаруют. Не могу не сказать и о том, что вас прекрасно характеризовали, и особенно, ваше знание языков. Английский, французский, германский и итальянский, не так ли... И это наречие, на коем изъясняются сарацины...

– Еще и испанский, – пробормотал я в крайнем смущении. Какой я оказывается... Ну а что, к тридцати с хвостиком годам я изрядно поездил по миру и неплохо запоминал слова, да и спутники у меня были достойные, а людям намного приятнее общаться с тобой на родном языке. Да и нравилось мне если честно запоминать значения одного и того же слова на разных наречиях. Нравилось...

– Отлично, – мой собеседник хищно потер руки, – зябко здесь, вы не находите? Разумеется испанский... То, что папа организовывает поход это безусловно прекрасно. Но цели этого похода, истинные цели известны весьма и весьма ограниченному числу лиц. Ваша же цель будет более конкретной и намного более важной, чем то, что будут знать. Скажем так, непосвященные...

Вот тут мне стало немного нехорошо. Если я правильно понял своего собеседника, то он имеет ввиду то, что крестовый поход затеваемый сильными мира сего, является лишь прикрытием чего-то более важного чем... Однако.

То, что я по своему скудоумию считал хорошим владением лицом, оказалось неправдой, герцог прочитал смятение мыслей моих, как хороший звездочет читает ночное небо и слегка улыбнувшись, произнес:

– Полно. Вам стоит знать, что в этом мире, не все происходящее происходит так, как об этом повествуют человеческие хроники. Не овцы вы есть, но пастыри, – он строго поднял вверх узловатый перст, потом неожиданно улыбнулся легкой обескураживающей улыбкой, – В этом мире некоторые вещи должны находиться в нужных руках. Иначе, – улыбка пропала с его лица, и герцог снова стал похож на ястребка, – иначе этот мир перестанет быть тем, чем он есть.

Он незаметно перешел с французского на язык германцев и теперь с улыбкой наблюдал за мной. Наверное, в этот момент мое лицо выражало вообще непонятно что, потому что герцог снова смягчился и посмотрел на меня по-отечески, так отец, читай пастырь, смотрит на своего сына, читай овцу, тьфу, ягненка.

– Я просто хотел, чтобы вы осознали суть. Сатанинские силы, захватившие Святой Город и Гроб Господень, не знают следующего. Господь наш пославший сына своего на муки, во искупление грехов человеческих пожертвовал и си-

ей реликвией для того, чтобы светоч веры нашей находился в руках неверных имея тайную цель неверных сих от ереси уберечь. Ибо сила великая находится в Гробе Господнем, в самом существовании его, и сила та может влиять на умы неверных и со временем по нашей глубочайшей убежденности превратит их в праведников...

У меня голова пошла кругом от всего этого. О чем он? Я даже отвлекся от мерного журчания сего монолога и смог внимать ему лишь ближе к его окончанию.

– Помимо Гроба Господня, – он вещал монотонно, словно проповедник, которому давно наскучили собственные проповеди, – существуют и другие Реликвии, коими Церковь владела, владеет или будет владеть во веки веков... О некоторых из них вам знать не нужно. Скажу более. Знание того, что вы знаете об их существовании, уже само по себе налаживает на вас некоторые обязательства.

Тут я даже позволил себе глубокомысленно кивнуть.

– Вот-вот... Но об одной Реликвии вам знать необходимо. Грядет великая битва, по тому, что происходит в нашем брэнном быстроменяющемся мире вы сами, полагаю, должны быть в курсе этого вопроса.

Я снова глубокомысленно кивнул. О грядущих битвах нам говорили постоянно, и мы готовились к ним. Я мысленно подобрался, наконец-то пошел конкретный разговор.

– А в битве главное, что?

– Дух, – я позволил себе вставить слово.

– Хорошо, но необходимо еще и доброе оружие... Не так ли?

– Так.

– И та Реликвия, за которой вы отправитесь к неверным как раз и является этим оружием.

Герцог лучезарно улыбнулся, и это было настолько неожиданно насколько и страшно. У него оказались черные зубы. То есть совсем черные. Представляете?

– Учтите, участники предприятия выступают представителями разных Орденов, более того могу предположить, – по лицу скользнула легкая улыбка, я бы назвал ее змеиной, – особых частей этих Орденов, вы понимаете о чем я...

«Ага, такие же наемники как и я».

– Но делаем мы одно дело. Богоугодное дело. Задача ваша осложняется тем, что длительное время само существование Реликвии было под вопросом. Считалось, что это одна из легенд, но совсем недавно мы получили достаточно верные сведения о том, что она действительно существует, и была предпринята попытка добраться до нее, но увы... – он развел руками.

«Боже все милостивый! Как же у них все сложно! Ну, зачем простых вещах говорить так сложно?»

Словно читая мои грешные мысли, герцог продолжил:

– Надеюсь, вы понимаете, что нет никаких гарантий того, что вам удастся заполучить эту вещь. Но если это произойдет, во-первых, Реликвию необходимо будет в кратчайшие

сроки доставить в один из наших замков на побережье, совершенно неважно в какой именно. При этом ваше вознаграждение увеличится вдвое...

«Ого!»

– Во-вторых, если предприятие завершится провалом, то вам необходимо будет явиться ко мне с полным отчетом о проделанной работе и том знании, что вы обретете за время вашей миссии. Знание – это тоже своего рода оружие. Сложно?

Я пожал плечами, а что тут говорить? Тамплиеры, госпитальеры, испанцы, все стягивают в свои гнезда Реликвии, золото, влияние, мощи святых, подобно сорокам и так было всегда и так будет пока стоит Церковь. И никому не надо про это знать, на то существуем мы, скромные труженики меча и кинжала.

– Окончательный расчет по возвращении. Вопросы?

– Что представляет собой Реликвия?

Снова змеиная улыбка.

– Всему свое время, в данный момент вам необходимо знать только то, что Реликвия целиком поместится, скажем, вот в такой ларец, – герцог показал размер двух раскрытых ладоней.

– Небольшая верно? Называть ее будем тоже просто. Реликвия. Согласны? Если вам удастся встретиться с ней, вы не ошибетесь, ведь насколько я знаю, вы участвовали в деле Фомы Критского?

Я медленно кивнул, осведомленность герцога поражала. Как и его манера не договаривать важных вещей.

– Церковь не может допустить того, чтобы Реликвия оказалась в неправильных руках.

Я кивнул. Вот конкретно и намного понятнее.

– Находится она ориентировочно вот здесь, – Герцог что-то нажал на столе, и на стене, откуда ни возмись, появилась тщательно прорисованная карта. Присмотревшись, я узнал очертания Святой Земли со всеми ее Городами и кучей непонятных значков. Похожая карта была у Наставника, и потому я сразу узнал и Аскалон, и Яффу и, разумеется, сам Святой Город.

– На днях мы получили подтверждение того, что Реликвия, наконец-то находится в пределах досягаемости нашего человека, однако, он самостоятельно не может до нее добраться. Для этого туда отправитесь вы... Ваши спутники присоединятся к вам по дороге... Они же владеют дополнительными знаниями об этой вещице и надеюсь, поделятся ими с вами. Понимаете?

Клянусь, он мне подмигнул!

– Путь вам предстоит неблизкий и лишние знания могут стать обузой...

«Ага, скажи проще, перехватят и будут пытаться, а я дурак дураком... С другой стороны очень даже разумно. И скорее всего сам герцог не до конца уверен в том, что эта загадочная вещица на самом деле существует. Но деньги платят хоро-

шие, и за что? Просто чтобы я проверил очередную сказку?»
– Вот, кстати, возьмите, оранжевый шарф, достойная вещь...

Криво улыбнувшись. Герцог протянул мне яркую тряпку. Терпеть не могу ярких тряпок! Но принял шарф я совершенно невозмутимо и со всем возможным достоинством.

х х х

Глава III

Luca Turilli's Dreamquest "Black Rose"

Явь

Загадочное слово ВОМД расшифровке не поддавалось, до тех пор, пока мне не довелось добраться до технической документации. До этого же чего только не довелось выслушать по этому поводу, причем и просто от острословов, и от опытных работников метрополитена. Сходились на одном – «В» – это однозначно, вентилятор. Ну, а другие буквы особого значения не имеют.

Оттого буква «М», например, расшифровывалось не только как «механический», но и как «метрополитеновский», и как «многофункциональный», и еще почему-то «метрический». Тогда как «О» – только лишь, как «объединенный» и

«осевой». Про «Д» промолчу, так как тут фантазия объяснителей разгуливалась окончательно, и однажды чуть до драки не дошло, так хотелось показать себя опытнее товарища по работе. Но водка в который раз выступила в роли прекрасного примирителя, и на том инцидент был исчерпан.

Верна к тому же оказалась и странная на первый взгляд, но весьма глубокая по смыслу поговорка, о том, что не стоит справлять малую нужду против воздушного потока, развиваемого ВОМДом. В оригинале он звучала так: «Не ссы против ВОМДа». Емко и убедительно, а с учетом того, что воздушный поток хорошо налаженного вентилятора запросто сбивал с ног, еще и верно.

Кстати в наших условиях особенный и немного зловещий смысл приобретала и поговорка: «Не беги впереди паровоза». Где паровоз можно было заменить на словосочетание «подвижной состав». Тот, кто много ходил по шпалам все поймет с полуслова.

ВОМДы стояли в тоннеле, на глубине в специальных камерах, за железными дверями и решетками. Когда-то Саня ляпнул, что здесь очень удобно прятать убитых милиционеров. Несмотря на откровенный цинизм фразы, с ней трудно было не согласиться, кроме нас и случайно забредавших сюда диггеров, здесь никто не ходил, так, что прятать было можно все, что угодно.

Но в основном, нам приходилось тут работать, так как вентиляторы иногда ломались, и нам приходилось их чи-

нить. А еще в камерах было холодно летом, и очень холодно зимой. Потому без водки мы сюда не ходили, это было вредно для здоровья, об этом тоже немало говорилось ветеранами, и писалось на стенах самих камер.

Тут вообще много чего писалось, как официально, так и не официально. Из официального ужасно нравился плакат: «Не влезай – убьет!». Мне, почему то, всегда представлялась здоровенная баба с расставленными ногами, лежащая горизонтально и грозящая каждому злонамеренно взглянувшему на нее мужику огромным и почему-то красным молотом. Или вот эта, грустная: «Уходя, гаси свет». Она была настолько созвучна с моим внутренним миром, что я всегда надолго перед ней зависал, и свет гасить забывал. Вдумайтесь, «уходя»...

Это экзистенциализм какой-то прямо слово...

Или более распространенная, для пассажиров: «Выхода нет». Тоже оптимистично, идет человек на нервах после работы, читает такое, и на рельсы. Жизнь – говно, типа. Где-то читал, что в Японии таблички эти запретили на хрен. Процент самоубийств в метро нереальный был. А у нас ничего, нормально.

А уж когда я попадал на ремонтные мастерские, и видел развешенные по стенам картинки с изображенными на них ужасными судьбами попавших в станки человечков, в моем воспаленном недосыпанием мозгу рисовались апокалипсические картины в купе с методическими пособиями инкви-

зиции.

Этот было нечто, ибо фантазия работников сферы охраны труда явно была заточена на элементарное отпугивание работников от труда, не иначе.

На стенах было много различного народного творчества, которое в целом не приветствовалось, и перед комиссиянными смотрами, раз в полгода жестоко уничтожалось. И правильно, ну кому, допустим, интересно, что «Сергея – мудака», и «Все – козлы». Но некоторые надписи здорово помогали в работе, особенно, те, которые были с датами. Зайдешь на камеру ВОМД и читаешь «Марина – 86», и знаешь, что капитальный ремонт на вентиляторе делался в 1986 году, а значит, подшипники надо менять по любому, и если задний еще так сям, то передний однозначно. Настроишься, вздохнешь, вскроешь, проверишь, точно и к бабке не ходи.

«Марина» – это позывной капремонта, без нее ни одна машина лет тридцать из ремонта не выходила, и пока мы есть, не выйдет уже.

Спускались на камеру обычно по стволу, при помощи узких металлических лестниц. Груз и инструмент спускали на веревках, с пролета на пролет. Если не было освещения, использовали фонари. Практически всегда было весело и интересно.

Внизу по старой метровой традиции должна была быть глубокая лужа, оттого не лишними были резиновые сапоги, либо АЗК. А то промочишь ноги и работай потом, полдня в

сырости, внутри железобетонной шахты.

Спустившись и без лишней суеты, распив первую половинку, закурили, и приступили к разборке агрегата, вывесив табличку «Не включать – работают люди». К этой табличке у меня никогда не было претензий, все по делу. Ну, работают люди, так чего ж включать-то. Закончат – включите. А вешать ее в ШР было необходимо, ибо запрется какая-нибудь крыса человекоподобная

На шахту и трахнет всех без разбору, причастных и не совсем.

«Пачему у вас люди работают, не вывесив предупреждающие плакаты? А? Скотина – мастер, смирно стоять!»

Мастер выживет, не умрет, замечание серьезное конечно, но не смертельное, зато потом всех причастных непосредственно к факту отсутствия таблички, (нас, разумеется) так поймает, что мало не покажется никому.

Оттого охрану труда блюдем, как и безопасность пассажиров, всегда и в любом состоянии, себе дороже.

– Сигаретку дай! – обратился ко мне Вова. Не наш человек, с другого участка, на усилении. Усилитель блин, а сигарет своих нет, на хрен мне такое усиление. Но делать нечего дал. Не жлоб же. Закурили.

– История одна была, – говорю, – подошел один типуха к другому на улице, вечером, говорит: «Курить есть?» А тот добрый очень., полез в сумку достал пачку, «на» – говорит. Тот закурил, смотрит в сумке всякая хренотень, пакеты ка-

кие-то с едой, колбаса там, сыры. Говорит: «Слышь, мужик, дай поесть чего-то, а то голодный такой!» Тот раз, ему колбасы отломал. «На!», – типа. Ага. Тот пожрал, смотрит, а мужик одет прилично, а уже темнеет на улице и холодает к тому же. Попросил одежкой разжиться, тот не возражает, типуха охренел совсем, говорит, а давай, я тебя в жопу выебу, раз ты такой добрый. А тот подумал и говорит: «А давай!» – все равно секаса давно не было. Выебал, короче, тому понравилось, и шо?

– Шо? – спрашивает Вова.

– А ни хуя, нормально все. До дома проводил, и стали они жить вместе, прожили лет двадцать и померли в один день от СПИДА. Такая вот любовь, на. С первого взгляда, то есть.

– Тьфу, блядь! – сплюнул брезгливый Вова, затапывая бычок.

Санек рядом тупо давился от хохота.

– Такие дела, братуха. Отсюда мораль – сигареты лучше свои иметь...

Тут уже и Колян заржал, а я докурил и не спеша стал инструмент разбирать, ну его на хуй Вову этого, усилитель, сука.

Потом ни к селу, ни к городу вспомнился давешний сон. Да так ярко. Италия... Реликвия... Че за реликвия? Третью ночь подряд. Это ж надо! Надо Петровичу рассказать, бригадиру нашему. Тоже поржем...

Сон

Неприятности начались даже раньше, чем я мог предположить. Практически сразу, как часто бывает в нашей быстротекущей жизни.

Вечерело. Вокруг не было ни души. Я ехал вдоль симпатичной рощицы и присматривал местечко для короткого отдыха. Присмотрев, спешился и расседлав Арка отправил его прогуляться к воде, благо судя по всем признакам недалеко протекал ручей. Сам же собрался перекусить, но предварительно справить малую нужду. Воткнул в землю меч и принялся разбираться со своей нехитрой амуницией, чтобы добраться сами знаете до чего. И тут хрустнула ветка, да громко так. Тут же кто-то выругался на местном наречии. Моментально обернувшись и одновременно выдергивая меч, я увидел несущихся на меня всадников. Их намерения угадывались сразу и потому, не теряя времени, я кинулся наутек вглубь рощи.

Их оказалось трое. Поначалу я немного преувеличил опасность, посчитав, что врагов четверо, но их оказалось трое, просто у них был лишний конь. Чего они стоят мы узнаем чуть позже, а пока необходимо их разделить, чтобы не сражаться со всеми одновременно... На-ка, вот! Удар сверху я отразил легко, и вежливо пропустив всадника, ткнул его

в бок без особых затей, держа в поле зрения остальных и одновременно прикидывая пути дальнейшего отступления. Всадник стал заваливаться в седле, и я понял, что мой первый удар получился. Количество нападавших уменьшилось на треть. Оставшиеся направили коней одновременно с двух сторон, я отпрыгнул за дерево. В него моментально воткнулся метательный нож. Из доспеха на мне оставались только наплечники, что было неплохо из-за большей свободы маневренности и плохо из-за слабой защищенности моего бедного тела.

Конница в лесу воюет плохо. И пусть тут был не лес, а небольшая роща, я попытался использовать все преимущества, которые послал мне Господь. Прежде всего, древесные стволы. Я бросился вглубь рощи, туда, где деревья и кустарник создавали неодолимую преграду для конника. Оказавшись пешим по причине природной необходимости, я позволил противникам уравнивать шансы. Хорошо еще что нужда была малой, а то бы у них гляди и преимущество образовалось бы. Хорош герой, сидящий в спущенных штанах под кустом! Как же я их проглядел, наверное, задумался. Проклятый герцог со своими заданиями! Слава Богу, что эти никакие не ассасины, те подкрались бы совершенно незаметно, и шансов бы не было уже у меня. Да обыкновенный стрелок принес бы больше пользы при нападении на одинокого путника. А эти прямо в лоб. Благородные что ли?

Совершенно сумбурные мысли скакали в моей голове, по-

ка я прыгал и маневрировал, пытаюсь добиться удобного для себя расположения атакующих.

Ну вот, можно попробовать, я резко затормозил и бросился прямо под копыта лошади, обмотанные какими-то тряпками, с диким нечеловеческим криком. Ага! Вот почему я их проглядел, вернее прослушал...

Лошадь сделала попытку встать на дыбы, седок попытался достать меня клинком, я подставил под удар наплечник, и лезвие нелепо скользнуло по нему, уводя за собой всадника. Парень явно потерял равновесие и был схвачен мною и жестоко вытянут из седла и нанизан на кинжал, аки каплун в канун праздника... Каплун – канун, как-то так... Только без каштанов. В сгустившихся сумерках мне показалось, что у него нет лица, но когда оно приблизилось, то понял, что ошибался. Лицо было скрыто под маской, столь уважаемой здешними любителями карнавалов. Этот, правда, уже оттанцевал.

Жалко лошадь сбежала. Пока я боролся со своим знакомым каплуном, третий негодяй решил, что моя несчастная спина только и ждет, чтобы в нее воткнули короткое копьё. Э нет. Все было не так, бдительности я не потерял, более того настолько обнаглел, что решить взять третьего разбойника живьем и с пристрастием допросить. Даже дерево успел подходящее приметить, он бы на нем неплохо смотрелся в своем шутовском наряде настоящего охотника за головами странствующих рыцарей лишенных всего.

Но, увы, увы, мечты мои так и остались мечтами. Копьем он пользоваться не умел. В том месте, куда он целился, меня не оказалось. Какой доверчивый ассасин... И надо же такому случиться, вы не поверите, он тоже потерял равновесие. Да что же за день сегодня такой? Наверное, день Неловкого Разбойника. Интересно есть ли у неловких разбойников какой-нибудь свой святой? Наверное, есть... Иначе несправедливо получится.

Вобщем, я немного помог и ему выпасть из седла, и он это проделал, да так громко, что деревья вздрогнули. Наверное, шею сломал. Мне даже неудобно немного стало. Ну, надо такому случиться?

Раздосадованный я присел на пенек и вдруг вспомнил про четвертого коня. Должен быть стрелок! Ведь если это банда, то у них наверняка есть стрелок, который выцеливает жертву сидя в безопасном месте, а потом остальные добивают и грабят раненого или убитого путника. Отчего они сразу кинулись на меня, а шут их знает, может, решили, что и так справятся. Нет это точно не ассасины, тьфу, вт же привязалось! И даже не... Странные они какие-то. Нет, с кем-нибудь они бы и справились, может друг с другом...

Мысль я додумывал уже лежа в высокой траве и внимательно осматривая окрестности. Понятно, что мои заячьи петляния по лесу в условиях плохой видимости основательно сбили стрелка с толку. Вот где он сейчас? Я прислушался, вечерняя роща была наполнена множеством звуков, по ней

бродили неприкаянные кони. Мой верный Арк так и не вернулся с водопоя, но его судьбой я мало заботился, ибо сей хитрый зверь, побывавший во многих переделках, умел вести себя, как подобает.

Темно-то как! Я, наконец, решился и, встав во весь рост, двинулся в сторону дороги перебегая от одного древесного ствола к другому.

Наконец я засек какое-то движение слева от меня. Толи это был чей-то конь, толи не конь... Я сменил позицию, мой преследователь тоже. Значит не конь. Стало совсем темно, прицелиться он не сможет, разве что у него кошачий глаз.

Меня охватила та бесшабашная веселость, которая приходила ко мне здесь, в моменты настоящей опасности. Это не было равнодушием к собственной судьбе, нет. Скорее это просто была твердая уверенность в окончательном и бесповоротном Успехе. Именно так, Успехе С Большой Буквы.

И мой противник это почувствовал. У него не было теперь ни единого шанса, а я был настолько исполнен этою непонятной, но такой чистой и свежей Силы, что победил бы, будь их не четверо, а пятеро, шестеро да сколько угодно. Не одолеть им меня сегодня, не одолеть.

В несколько гигантских прыжков я преодолел разделявшее нас расстояние и с удовлетворением увидел, что мой незнакомый друг, поняв, что его обнаружили, теперь удирает от меня без оглядки. Тогда я свистнул, послышался топот копыт по траве, потом чавкающий звук удара, от столкнове-

ния двух тел, конского и, надеюсь, человеческого сдавленный вскрик и короткое конское ржание. «И упал он клинком сиим сражен». И нечего нападать на одиноких странствующих и немного безжалостных рыцарей. Поделом.

Кто-то ткнулся мне в затылок мокрыми противными губами. Арк, конечно. Этот конь имеет удивительную способность исчезать при первой опасности в том случае, если седок на нем отсутствует. Потом он внимательно следит с безопасного расстояния за тем, как его хозяина пытаются убить неприятные разбойники, но потом у него просыпается совесть и он спешит на помощь, потому что вспоминает о том, что еще толком не ужинал и мыться ему, если что придется в одиночку. Примерно так я понимаю сегодняшнее поведение моего боевого напарника. В конном же строю ему равных нет. Потому что в конном строю много зрителей из числа людей и конечно же лошадей, а Арк у нас позер каких свет не видывал. Ему, видите ли, публика нужна для подвигов, а в темном лесу ему не интересно. Вот что это? Он словно говорит мне своим поведением, вместе мы сила, а по отдельности каждый сам за себя. Я потрепал его по шее, и конь всхрапнул что-то типа:

– Ну вот, снова нарвался на неприятности. Говорил я тебе, не стоит останавливаться в незнакомом месте...

– Умный ты больно! – зачем-то произнес я вслух и Арк подмигнул мне хитрым глазом. – А поить тебя не надо было?

– Надо! – Арк мотнул головой и на меня полетели капли

воды с его роскошной гривы.

– Ну, ты хоть переживал за хозяина?

– А то! – откликнулся Арк и поплелся к четвертому телу, я поплелся следом, надо же было поглядеть, кого мы там пришибли. А вдруг и вправду ассасин, хотя бы начинающий...

Вот Джига был не такой. Джига был... Сердце мое на миг сжалось, и я отогнал от себя воспоминания. Не вернуть...

Арк фыркал, ему не нравилась эта быстро потемневшая роща, тревожили чужие неприкаянные кони, и мертвецы ему тоже были не по нраву.

Взошла луна. Все вокруг приобрело сказочные очертания, было свежо и покойно. Что ж, пора изучить трофеи, и сделать выводы. Но для начала...

Я наконец-то облегчился и подошел к сбитому моим верным Аркоцефалом телу. Оно было укрыто собственным плащом, голова же укутана сплошным черным платком с прорезями для глаз. Как говорит мой новый друг герцог, можно обойтись без лишних церемоний.

Без церемоний, так без церемоний. Ну, не люблю я их, церемонии эти, чай не церемониймейстер. Ни в отношениях с мужчинами, ни с женщинами. С женщинами тем более. Увы, я не далеко не монах, скажу иначе, я совсем не монах, и даже не монах воинствующий. Убедившись, что поверженный Арком враг дышит, я взрезал кинжалом маску и немного удивился. Поверженный оказался женщиной. Здравствуй-те, святые угодники. Этого еще не хватало.

В моем состоянии было не до сантиментов, я принялся тормошить неудавшегося стрелка и мои усилия не пропали даром. Незнакомка застонала и открыла глаза. Предательская луна заглянула в них и обнажила прятавшийся там испуг.

– Демон! – с ненавистью произнесла она вместо приветствия.

– Чего это? – я слегка опешил.

– Демон! – повторила знакомка.

Нарисовалась проблема. Женщина, и притом явно не в себе, а с ними я не воюю, в смысле и с теми, кто женщина, и с теми, кто не в себе. Нет, это не обет, это как бы получше сказать, наверное, это, образ жизни и отчасти воспитание. Но поугагать надо.

– Кто тебя послал смертная? – спросил я загробным голосом, а именно так в моем представлении должны разговаривать демоны, я прижал к ее горлу мизерикордию.

– Убей меня! – в глазах женщины загорелся огонек фанатизма, я сплюнул и перестал кривляться. Спрятал кинжал и выпрямился.

– Хватит смертей на сегодня, вставай и скажи, чего ты решила, что я демон?

Она долго молчала, потом осознав, что никто ее не держит медленно села и стала приводить в порядок одежду. Женщина что с нее взять. Внутри ее черепа, что-то поскрипывало и жужжало, я просто физически чувствовал напряженную ра-

боту этого незаурядного женского ума. Отошел на пару шагов и наступил на валявшийся в траве небольшой арбалет. Пнул его в сторону и в сердцах выругался. Арк тут же подошел, чтобы меня успокоить.

– Так ты не демон? – спросила она, глядя на то как я вытираю Арка и привожу в порядок поклажу.

– Кто сказал тебе эту глупость?

– Ты был в замке! – это прозвучало как обвинение.

– И что? Это запрещено? Я много где бывал, я путешественник.

– Но герцог...

– Что герцог? Я мало с ним знаком и не имею с ним общих дел.

– Он общается с дьяволом, – после раздумья сообщила незнакомка.

– Интересно, но мне интересней другое, за что вы напали на меня. Нападали бы на герцога...

Она снова задумалась. А говорят, что местные красавицы обладают определенной живостью ума. Мда. Такое впечатление, что я где-нибудь во Фландрии, да и с красотой тут тоже проблема. Фигура так еще, а вот лицо... Вытянутое какое-то, лошадиное... Арк и то симпатичней будет.

Понемногу разговорилась. Ее звали Мария. А спутниками ее были, единокровный брат Горацио и пара здешних мелких дворянчиков, отчего-то решивших, что мой герцог виноват в страшных вещах. Оказывается, после того как он поселил-

ся в здешнем замке у них перестали нестись куры и с урожаем возникли проблемы, там еще что-то было, но я слушал в пол уха, как всегда при общении с женщинами. А Мария уже болтала вовсю. Слава Господу ее спутники как-то одновременно принялись стонать, и поток красноречия сменился заботой о ближнем своем. Пришлось и мне присоединиться и оказывать помощь этим балбесам и бездельникам. Лучше б за курами своим следили, чем охоту на людей устраивать.

К счастью, или, к сожалению, от встречи с великим и ужасным мной никто не погиб, но пострадали прилично, и то будет наука ассасинам недоделанным. У брата Горацио была серьезная рана в боку, у второго подпорчено брюхо, а третий еще не пришел в себя от удара о землю, но это было делом времени.

Когда все пришли в себя и собрались в кучу, я задал простой вопрос:

– И что мне с вами придурками делать?

Придурки смотрели хмуро и молчали. Я им немного помог:

– Во-первых, запомните, герцог – государственный человек!

При этих словах головы слушателей поникли.

– Во-вторых, если я сообщу, куда следует, о вашем поведении, то сами понимаете, что с вами будет!

Головы опустились еще ниже.

– И в третьих! Вы украли мое время, а я спешу по очень

важному поручению, оттого вы просто обязаны предоставить мне сменную лошадь и накормить горячим ужином...

Головы взглянули на меня благодарными взглядами и я наконец-то получил возможность отлучиться к ручью, напиться вдоволь холодной воды и искупать Арка.

Мы нуждались в отдыхе, а пока суд да дело, наступила ночь, а ночью и заблудиться можно легко, хотя как я уже убедился, в этой богатой на ассасинов провинции все дороги ведут не в Рим, а к морю. И все как одна опасные.

х х х

Глава IV

Manowar “Swords in the wind”

явь

Сегодня меня чуть не убило. Уф... Бывает же такое. Бывает. Послали меня насосникам помогать. Работы типа у них минного, а времени мало. На водоотливную. Ну, послали и пошел, дело-то не хитрое. Взаяся клапан менять. Три болта снял, все нормально, за четвертый взялся, чегой-то не то... Кручу гайку, что-то тугенько идет. Взял ключ удлинил, все равно туго. Зову Гришку, иди, мол, помогай. Стоим, друг напротив друга, я кручу, он болт придерживает. Труба вер-

тикально между нами. Сотка, изогнутая. На самом выходе, как стрельнет и мне в лицо. Как отпрыгнул до сих пор не пойму, хорошо она дальше не пошла. Ключи в разные стороны, Гриша Тушканчик бледный, как смерть. Метростроевцы долбаные в натяг конструкцию смонтировали, видать не состыковывалось у них, вот она и распрямилась курва...но ничего, покурили, успокоились. Пока на обед ехали все сон давешний вспоминал. Чудно совпало, там меня тоже укокошить пытались...

Мечи все еще стучали у меня в ушах, а неумолимая реальность все плотнее и плотнее обступала меня. И как всегда в таких случаях нашелся человек, который все мне объяснил.

– Я тебе так скажу, – вздохнув, сообщил Петрович, вытирая рот сухой своею ладошкой, – сны твои итальянские, полная херня, вот у меня помню было, Лизаветка в армии снилась, так уж и снилась. Сильно ее хотел. Каждую ночь, недели две... Потом приехала проведать, выебал ее и до свидания, перестало... А вообще, я че хочу сказать? У настоящего болельщика смысл жизни проявляется дважды в неделю. На выходные, когда играет очередная тур чемпионата, и в среду, когда играют международные. И никогда не заморачивайся! Наливай, время в обрез.

Он погрозил мне пальцем и сделал такое выражение лица, как будто у него только что милиционер отобрал половину аванса.

– Ну, что ты там цедишь? Все разливай!

– Так может еще на раз?

– Не выдумывай, некогда нам расслаживаться. Работа ждет.

Это да, это он точно, насчет работы. Я когда-то видел, как обедают метростроевцы, те, что непосредственно в тоннеле, на водоотведении или на укладке. Вот так вот как стояли, инструмент положили на землю. На шпалы присели, тут же бутерброд развернули, бутылку открыли, на троих по стаканам разлили за раз, ебнули, загрызнули, и снова за инструмент и вперед. Вот и весь обед – три минуты. Курят по ходу пьесы, ибо некогда и работы полно. А нам-то чего спешить, мы ж эксплуатация, часом раньше, часом позже. Какая разница?

Можно вообще на все забить и за второй сбежать, завтра, в конце концов, тоже на работу выходить. Но нет, Петрович сказал, Петрович сделал. Придется сегодня заканчивать. Ну и ладно, подумаешь...

Каждый уважающий себя метрополитеновец где-то в глубине души убежден, что обслуживаемое им оборудование тоже имеет собственную душу. Нет, он никогда не признается вам в своих мыслях, даже мысли о подобном не допустит, но тем не менее это так. Придите когда-нибудь ночью на станцию, походите по служебным помещениям, сами все увидите.

Одно знаю точно, ни один насос не будет работать, если сам того не захочет. Вот так вот. Ни один.

И каждый работник знает, что чтобы насос этот заработал, за ним необходимо ухаживать. Вовремя проводить техобслуживание, менять смазку, сальники, подшипники, и будет тогда он служить тебе верой и правдой.

А иначе... Вода в тоннеле – страшная вещь. Поднимется до головки рельса и амба. Пиши, пропало. Откачивать нужно. В некоторых местах постоянно. Да, так и живем в постоянной борьбе с силами природы.

Сегодня я с Петровичем на насосе. А что вы? Линейный участок, это вам не хухры-мухры. Тут и ВОМДы и местная вентиляция, ну та, что поменьше в размерах, и насосы и прочая сантехника с унитазами, оборудования море, и все на нас. Бывают дни некогда и стакан вина пропустить, со всех сторон: «Давай! Давай!»

Сегодня еще по-божески, хоть пообедали нормально, теперь и потрудиться не грех.

Труд – это процесс. Наблюдая и активно участвуя в жизни подземки, я понял одну интересную вещь – весь смысл нашей жизни в постоянном движении. Вот пока присутствует оно, все крутится, одно за другое цепляясь. Одни умирают – другие приходят, и процесс этот поддерживают, отчасти ничего о нем не зная. Ну, словом, все как в обычной жизни. Механизмы стареют, как и люди, мы их лечим по мере сил. Понятие даже такое есть – усталость металла. От этого и оборудование иногда умирает, отработав ресурс, и тогда, хочешь, не хочешь, ставят новое. И все крутится, вертится...

Когда-то, изрядно выпив после работы, мы провели мозговой штурм на тему, сколько времени протянет метрополитен, без человека. Мнения разделились, но в целом получилось – недолго. До первого серьезного отказа, а там по цепочке. Тоннель заполняется подземными водами, замыкается электрика, горит все что может гореть, плавится все, что может расплавиться. В целом наблюдается картина, близкая по содержанию к Рагнареку. Что не есть гуд. Так что, ощущение нужности у нас присутствовало, несмотря на средненькие в целом зарплаты.

Есть одна простую истину, о том, что люди делятся всего-навсего на две категории – богатых и бедных. И богатые при этом беззастенчиво используют своих оппонентов. И раз уж суждено было родиться в категории номер 2, то нужно по возможности избегать того чтобы твое тело, твой мозг использовали сытые наглые ублюдки. А потому расслабляемся и тупо живем в удовольствие. Насколько позволяют наши скромные средства.

А то начинают некоторые умничать, вот ты неправильный, вот ты блядь, не патриот. Та пошли вы на хуй, говорю я подобным умникам, все что вы ни делаете кроме жрать, спать и совокупляться, вы делаете в угоду тем, кто заказывает музыку в этой жизни. Нравится вам им помогать? Помогайте, а мне не нравится, мне на них насрать. Такая вот не хитрая, но очень жизненная философия. Так-то вот... Можете назвать меня тупым животным, мне от этого ни холод-

но, ни жарко. Но вы не заставите меня плясать под ваши дудки и делать то, что я не хочу.

И если иногда приходится делать что-то вразрез с моими принципами, то это обусловлено только суровой жизненной необходимостью и элементарным выживанием, не более. Вот в армию меня например заперли, два года жизни – ко-ту под хвост, но отслужил? Отслужил, еще и как. А куда де-ваться? Теперь отстаньте. И размышляя подобным образом о превратностях нашей быстро текущей жизни, пошел я бухать. А че еще делать? Не в общагу же переться. Скучно там в общаге.

х х х

сон

Корабль шел на юго-восток, так утверждал капитан, ста-рый прожженный южным солнцем, сицилийский бродяга, коих великое множество пребывало в портах великой стра-ны во все времена. Как в лучшие, так и в худшие.

Ветер держался попутный, и те, кто не лежал вповалку, скрученный морской болезнью, могли в полной мере ощу-тить Благодать Божью, вдохнув соленый воздух Средиземно-морья и устремив взгляд прямо по курсу, туда, где, по словам капитана, лежала Земля Обетованная. Цель нашего похода.

Наполненные попутным ветром, несущие крест паруса су-

дов окружали меня со всех сторон. Флотилия насчитывала десяток крупных торговых судов и несколько посудин поменьше. Охранники и торговцы, все как обычно. Врядли пираты позарились бы на нас в этом походе, ибо слишком велико было количество вооруженного люда, стремившегося в святую землю исполнить свой долг пред Господом. По крайней мере, так они говорили, на разных языках и наречиях, а как по мне, то подавляющее большинство ехало пополнить свой карман за счет имущества неверных, коим не посчастливится оказаться у них на пути.

Трюмы флотилии были наполнены товарами и людьми. Как по мне, так последних было больше. И большую часть груза составляло оружие. Самое разное. На самом крупном корабле, как сказал мне в порту один всезнайка, коими полны порты всего мира, везли в разобранном виде осадные орудия. Слухи о Третьем Крестовом Походе уже всю будоражили умы человеческие. Слишком многие мечтали вернуть утерянный Иерусалим.

Путь наш лежал на Мальту. Кто только не владел этим прекрасным островом. Сейчас он был под Сицилийским королевством. Не так давно турков прогнали отсюда, и если нам христианам удастся подольше удерживать Мальту у себя под контролем, то она превратится в удобнейшую базу для всего крестоносного движения. Сицилийцы облюбовали его неспроста. Прекрасный перевалочный пункт, замечательный средиземноморский климат. В общем и целом ла-

комый кусок суши в относительной близости, как от наших берегов, так и от Святой земли. Кстати, наш груз должен был быть выгружен на острове, а взамен мы должны были взять на борт более мирные товары для торговли с Султаном, ибо у нас перемирие, как у двух убийц живущих по-соседству. Вроде все нормально, только ночами не спят, и ножи время от времени точат. Ну и конечно, паломники, паломники, паломники...

По-моему после взятия Иерусалима султаном, количество христиан, стремящихся в Святой Город, только возросло. Такой вот парадокс.

На данный момент, наши «успехи» в Палестине привели к тому, что от Иерусалимского королевства осталось только громкое название. Иерусалим был потерян бездарно и по-моему уже безвозвратно. Потеряно было все, что с таким трудом завоевывалось христианами на этой негостеприимной земле. Нас тут не ждали, и нас не хотели здесь. Не знаю, что я должен был отыскать, но вся моя миссия выглядела очередным жестом отчаяния, когда утопающий хватается за соломинку.

С другой стороны предчувствие Третьего крестового похода действительно витало в воздухе. Очень многие власть имущие жаждали реванша. Тот же Вильгельм Сицилийский не мог допустить окончательного изгнания христиан, ибо чувствовал, что если турки сумеют выполнить эту угодную Аллаху задачу, то что помешает им прийти на Сицилию?

Пока же держался Тир, держались крепости, да и султану нужна была передышка. И те и другие готовились к грядущим битвам, но сейчас не имели возможности их начать.

Вот было бы забавно, если бы откуда-нибудь из-за гор, объявилась бы сейчас третья сила, которая бы воспользовалась тем, что и мы и турки ослаблены, и установила бы свой контроль над этими местами. Момент был тот, что нужно. Да только где ее взять?

В данный момент у меня были варианты добраться до Иерусалима, либо под видом паломника, либо в качестве охранника торгового каравана. Ибо и тех и других султан в Город пускал пока беспрепятственно. С одной стороны, говорили, что, будучи человеком просвещенным, он с уважением относился к чаяниям верующих, стремящихся поклониться Гробу Господню, а с другой стороны торговое значение Города тоже никто не отменял. И торговые выгоды для империи были очевидны.

В целом там, куда я плыл было все также беспокойно, хотя большой войны и не было. Но, франки сидели укрытые в крепостях. Арабы же совершали набеги как на крепости, так и на караваны, идущие к ним. Франки тоже не чурались разбоя, но называли его богоугодным, если грабили неверных, и никак не называли, если случайно нападали на своих. Однако, тем не менее, торговля велась во всю, ибо звонкая монета одинаково мила, что франку, что сарацину.

Итак, я плыл на Мальту. Ветер развевал мои кудри, а ле-

вая рука была подвязана широкой оранжевой лентой. Вроде как сломана. Герцог при нашем прощании вручил мне ее со словами:

«Когда будете на корабле, повяжите ее на одежду, это будет знаком для ваших спутников». Я не придумал ничего лучше перелома и приспособил подарок своего нанимателя так, как посчитал нужным, и теперь озирал водную гладь с этой оранжевой перевязью одновременно зорко присматриваясь к попутчикам. Пока никто не беспокоил, мало ли что у кого болит, но чувствовал я себя как-то неудобно, что ли, больно уж яркий цвет имел мой аксессуар.

Тут я отвлекся от созерцания морских просторов, потому что на палубе назревала нешуточная драка. Вот уж действительно беда всех этих совместных походов – еще и до берега не добрались, не то что до неверных, а уже здоровые мужчины, мающиеся временным бездельем, начинают выяснять кто сильнее. Либо чье служение более Господу угодно. Да и вопрос национальности никто не отменял, разумеется.

Нет, чтоб объединиться перед лицом грядущих испытаний и укрепиться в вере своей, делают все наоборот. Всплывают старые обиды и столетней давности пограничные истории, когда чей-то дед под флагом того или иного вождя гонял по лугам да по горам другого деда. Тоска...

Я повернулся на шум и убедился в своей правоте, увидав как несколько решительно настроенных французов-южан, наполовину обнаживших клинки, явно не для их чистки, во

всю свою гасконскую прыть наседают на громадного германца, который ухмыляясь, строит им козу и даже не делает попытки вынуть из ножен лежащий у его ног немалых размеров двуручный меч, слава Богу, хоть не изогнутый. Честное оружие. Страшное оружие в умелых руках, скажу я вам по секрету. Обращаться с ним – целая наука. А вот обладателей подобных мечей с изогнутым лезвием, я не любил, да и не только я, и в бою им пощады не было, уж больно ужасные раны наносили они своими мечами-монстрами, а потому обладатели подобного оружия и истреблялись безжалостно. А прямой двуручный меч лучше всего говорил о характере владельца: с таким приятно иметь дело, разрубит напополам и привет, не подставляйся, сам виноват.

У этого во всех отношениях великолепного воина имелись в наличии: гигантский рост, широченные плечи, многократно ломаный нос и заплетенная в косички рыжая борода, а также открытый и честный взгляд старого бойца, который, несмотря на внушительные данные, никогда не будет калечить людей зря. Это было мне по душе, но зарвавшихся засранцев необходимо учить, и тут я понял, что мы в этом вопросе солидарны. Взвесив шансы сторон, я понял, что у лягушатников шансов нет, хотя они, конечно же об этом еще даже не догадывались. Их напор и решительность сделали бы им честь на поле брани перед лицом неверных, или на базаре где-нибудь в окрестностях Беарна, перед лицом их жен и невест, но только не здесь и не сейчас.

Словом я решил соотечественникам, хотя какие они мне уроженцу Лангедока соотечественники, у них свое море, у нас свое, об этом поведать, предварительно подмигнув германцу, отчего его улыбка стала еще шире. Потому что нести потери не добравшись до места глупо, а проучить этих любителей покричать и помахать конечностями никогда не помешает. И им польза будет, и команду повеселим.

С соотечественниками у меня вечные проблемы. Имея неосторожность появиться на свет в милом моему сердцу Лангедоке, я большую часть детства и юности провел в Англии, так уж сложилось, а во Францию вернулся в более солидном возрасте вместе с лордом Гэлуэем и отчаянным королем Ричардом, понятно с какой целью. Так что, не сложилось у меня с соотечественниками.

После моих слов, сказанных на том языке и с тем акцентом, что принят на моей малой родине, гнев обиженных воинов французского льва обернулся на меня, и клинки полностью обнажились, а гасконская слюна из широко открытых пьяных ртов полетела в мою сторону в опасной близости от моей же одежды.

И хотя, в случае необходимости я мог изъясняться на нескольких языках и наречиях, причем, используя разные местные диалекты, в сложившейся ситуации я выбрал самый быстрый и не особо гуманный способ разрешения конфликта. Скучно мне было, что тут поделаешь, а так какая-никакая разминка. Сырости я опять же не люблю, потому подняв

правой рукою, лежавший неподалеку трос с крюком на конце, я немедленно прихватил ближайшего ко мне недотепу рукою «раненой» и зацепив его крюком за пояс, перевалил через борт и отправил на освежающие процедуры за борт.

Германец захохотал и схватив за шиворот сразу двоих отправил их следом за первым.

Оставшийся не удел горячий гасконский жеребец захлопал глазами, попятился и сел на задницу под оглушительный хохот генуэзцев из числа команды и прочей разношерстной публики с удовольствием наблюдавшей за развитием конфликта.

Германец подошел ко мне и протянул громадную ручищу:
– Гарольд...

Так мы и познакомились. Он не был богат и подобно мне рыцарь сей обходился без слуг, что в крестовом походе не было редкостью. Я же время от времени подумывал о том, чтобы кого-нибудь нанять, но все никак руки не доходили. А в глубине души, наверное, я просто свыкся с тем, что работаю один и не нуждаюсь в помощниках.

Пока веселые матросы с удовольствием вылавливали наших незадачливых двуногих пловцов. Удивительно похожих на лягушек, если смотреть сверху вниз, выяснилось, что мой новый знакомый – наемник, и плывет в Святую землю немного подзаработать. Он был немногословен, но дал понять, что немного поиздержался в последнее время, и будет честно сражаться на стороне того, кто платит звонкой моне-

той. Религиозным фанатизмом от него и не пахло, по-моему он вообще молился древним богам, или кто там у них у готов? Или как их назвать? Всегда путался во многообразии германских племен. Если умел молиться вообще. Пока же он не вступил ни в один из отрядов, но рассчитывает встретиться на Мальте земляков из Любека и присоединиться к ним. Сам он был младшим сыном совершенно небогатого, но весьма многодетного барона перспектив на родине не имел совершенно, потому я, завидев родственную душу, тут же испытал к этому бродяге совершеннейшую симпатию. Баронет, ага, заливай дальше.

Узнав, что я тоже вроде бы как сам по себе и не принадлежу ни к одному из многочисленных землячеств и не связан никакими особенными обетами, предложил похлопотать за меня у них, я вежливо отказался, сославшись на другие планы. Гарольд тактично не стал настаивать, и мы отправились перекусить, благо время подбиралось к ужину, а ужин пропускать согласитесь, является дурным тоном у всякой нации и народности. Устроившись на палубе и рассуждая о том как скоро должна показаться суша, и не беспокоит ли меня «раненая» рука, мы с моим новым товарищем, продегустировали сначала то вино, что приобрел в окрестностях порта Гарольд, а потом то, что выдали мне в дорогу недорезанные венецианские ассасины, решили что мое лучше, и принялись угощать друг друга нехитрой снедью, что была припасена у каждого и удивляться сходством наших гастроно-

мических пристрастий. Потом еще продегустировали вино, и еще и еще...

х х х

Yellow “Desire”

Глава V

явь

Итак, все тот же странный сон. Ффу, че это за напасть? Оперный кордебалет. Не знаете? И я не знаю. Куда я плыву? Зачем? Хрен его знает. Вот самое интересное, что во сне помню, а наяву ни хренаськи.

Вот водочки выпью, авось прозрею. А где у нас тут можно выпить? Правильно, на капремонте. Капремонт это такой участок, что... Короче ремонт. Капитальный. И люди там работают капитальные, а не какие-нибудь. Ну вы поняли... И проблемы решают как производственные, так и общечеловеческие. А это вам не хухры-мухры... Тьфу, привязалось...

По пути попалась станционная с кактусом. Она смотрела на сморщенное растение и что-то бормотала себе под нос.

– Не обращайтесь на меня внимания, – сказала она, – это я с кактусом разговариваю.

– Та я вижу, – ответил я, – ничего страшного. Страшно

будет, если он отвечать начнет.

Женщина в красном похлопала глазами и спросила:

– А это как?

– А это значит, что-то вы съели не то, – вежливо отвечал ваш покорный слуга и важно прошествовал на участок, сопровождаемый веселым смехом не лишённого чувства юмора МУМа.

МУМ – это не просто уборщица, это механик уборочной машина. Так-то. Серьезная у нас организация и профессии серьезные.

Вот и на участке капитального ремонта, решались серьезные проблемы выживаемости человеческого вида как такового. Не больше, не меньше. А именно: сколько человек может прожить без кислорода. Мнения участников дискуссии проверялись экспериментально. Умывальник уже был заткнут и наполнен водой, и Вася уже пытался погрузиться в него, но мешал носик бронзового крана.

Я спросил у мужиков на всякий случай:

– Вот смотрю я на вас и не вкурю, толи вы сунниты, толи вы шииты...

На что мне резонно ответили:

– Синиты они, потому что синие, бля!

Согласился и с этим мнением.

– Я маленький и толстый, но ебу хорошо! – хитро прищурившись объявил пока суть да дело Жека.

– О!!! – обрадовано загалдели мужики, – ну ты и сказанул!

– А шо?

– Га-ага-га! Ебарь, бля!

– Потому что бабе не главное как ты выглядишь, им на это вообще наплевать... Она мне говорит...

– Юрок, отсыдь от него! – захлебываясь смехом, сказал Вася Селиванов, – а то он ебет хорошо!

Юрок испуганно отсел. Новый взрыв хохота потряс раздевалку.

А насчет проблемы выживаемости вида человеческого, выход нашли быстро, ибо тем коллективное мышление и отличается от сугубо индивидуального, что выход находится моментально практически из любой ситуации.

Сурик припер чистое, явно недавно поступившее со склада ведро и наполнив его водой установил в центре раздевалки. Потом тяжело вздохнул и со словами:

– Учи вас тут... Засекайте! – стал на коленки и сунул голову в воду.

Сурик был наполовину армянин, наполовину... не знаю даже кто, но это и не важно. Главное он просто был, и этого было достаточно. Он запросто на спор выпивал бутылку водки из горлышка, и подозреваю, что выпил бы и вторую, да только кто ж ему даст. При этом был маленький, сухой и имел еще одно полезное качество – по нему никогда не было видно пьяный он или нет. Наверное, потому что вдыхал и выдыхал всегда внутрь себя.

Повисло томительное молчание, большинство собрав-

шихся внимательно смотрели на часы. Когда прошла минута, стоявший до тех пор недвижно опершись на умывальник, Василий с каким-то странным клетотом подскочил к экспериментатору и легким движением руки набросил дужку ведра ему на затылок. После чего моментально отпрыгнул в сторону, едва сдерживая идиотское бульканье служившее смехом.

Все замерли. Сурик вскочил. Мотнул головой, вода из ведра щедро окатила присутствующих. Раздался звериный рык, а потом грохот, это ведро с очередным рывком головы со всей силы врезалось в умывальник. По белой керамике поползла трещина. Еще рывок и, о чудо! Освобожденный от своего рыцарского шлема и вымокший до нитки Сурик с горящими нешуточной ненавистью глазами оглядел дискуссионное поле.

– Кто? – спросил он у давящихся смехом товарищей по работе, и не дождавшись ответа поднял ведро и запустил его в Василия, конвульсивно корчащегося на лавочке, – Сука!

И только старый бригадир Тимофеич тихонько произнес из-за своего прокуренного шкафчика, за которым он любил в обед отдыхать:

– Мастер узнает – убьет гандонов на хер. Как теперь мыться?

Сон

– Говорят, что сильный не сможет здесь победить.

– Как это?

– А вот так. Гроб Господень такая штука, что освободить его может лишь слабый, но безгрешный и духом неиспорченный.

– Да где ж набрать-то таких?

– О! Вот вопрос вопросов!

Паломники примолкли, и какое-то время, молча сидели, слышался только плеск волн и легкое постукивание четок..

– Дети... – произнес черный капюшон.

– Что?

– Дети. Могли бы...

– Собрать детей в поход? Да это безумие!

– Отчего же, – показалось, из-под капюшона на миг появилась и также быстро исчезла язвительная ухмылка, – как раз, то, что нужно. Они чисты и непорочны, они добудут...

– Да возможно ли это?

– Только так и возможно, ибо сказано...

Чего там было сказано, я уже не слушал. От этих фанатиков одни неприятности. Детей в крестовый поход! Как вам? А ведь пошлют, и найдутся такие, что сами пойдут, и родители найдутся, что благословят. Ага, султану в рабство... Голова моя бедная! Я осторожно пощупал свой череп, эко вчера мы надегустировали. Изрядно, однако. А с другой стороны плавание проходило довольно-таки монотонно, а как оно еще должно было проходить?

Мерное покачивание палубы успокаивало и наводило на богословский лад. Тяжелый дух трюма, где было сыро и душно, гнал меня сюда, свежий попутный ветер гнал судно вперед и редкие проблески солнца доставляли мне огромную радость. Хорошо еще, что я не подвержен морской болезни. Не стань я тем, что есть, была бы мне дорога – в мореходы. Выйдя на палубу, я долго всматривался в горизонт, но ни паруса ни знака не было там. Погода не баловала, было сыро и неприветливо.

Вздыхнув, я снова вернулся в трюм, вот так и буду бродить, подобно вечному скитальцу.

– А действительно, – произнес правый паломник, – все сходится...

– Что сходится?

– Ну, то, что ты говорил минуту назад. И насчет безгрешности и непорочности.

– Сейчас такие дети пошли... – левый паломник никак не хотел сдаваться.

– Обычные, чего там.

– Да их перережут здесь! И сюда еще нужно добраться, да нет, бред это все. Бред.

– Ты б еще девственниц вспомнил. Безгрешных.

Сидевшие сзади забулькали смехом. Отсмеявшись, снова замолчали. Потом черный капюшон проговорил, словно нехотя:

– Вся эта затея изначально обречена. Столько попыток и

все зря.

– Да,– кивнул левый,– столько жизней...

– Когда-то Ричард сказал...

Чего там сказал старина Ричард, я уже не слышал. Мне надоело слушать их бредни, и я снова перебрался на палубу. Нет, против бесед я ничего не имел, отчасти, они были даже познавательными. Но уж слишком много было в них шелухи, которая вперемежку с откровенными сказками, превращала сей диспут в подобие рыночного общения малограмотных торговков овечьей шерстью. Нет, это тоже считалось нормальным, но как по мне то слишком утомительным.

А что до Ричарда... Я повоевал под его рукой, в свое время мой суровый наставник добрый лорд Гэлуэй в числе прочих стал под его знамена, и мы прошли добрую половину Франции, участвуя в совершенно непонятных лично для меня междоусобицах, ну и что? Как по мне, так все эти короли одним миром мазаны. Когда им нужна твоя жизнь они берут ее без остатка, а вот когда у тебя возникают проблемы...

Потом отыскался мой бравый германец, и не один, а с небольшим винным бурдючком. Он объяснил мне, что вчера не стал предлагать, так как, по его мнению, вино скисшее, и не чета тому, которым угощал его я.

Несмотря на протесты, он сделал попытку вылить его за борт у меня на глазах, что ж похмелье всяк переносит на свой лад. Пришлось спасти изделие портовых мастеров, пустив в ход весь арсенал умений наемника в купе с навыками крас-

норечия. И в результате всего этого заветный бурдючок был спасен и распит нами на корме под завистливыми взглядами некоторых членов команды судна.

– И ничего не прокисло, просто оно само по себе кисленькое, – объяснил я Гарольду.

Он важно кивал в ответ, и по всему чувствовалось, что завтрак удался. Потом я предложил ему послушать религиозный диспут, и Гарольд радостно откликнулся на мой призыв.

Мы спустились в трюм, и я тут же стал подремывать, а Гарольд с интересом прислушивался к болтовне на непонятном для него языке, иногда он толкал меня вбок, прогоняя дремоту и я, зевая во весь рот, переводил ему самые интересные места по мере своих скромных сил. Германец улыбался в бороду и даже кивал, хотя как по мне то иногда с трудом улавливал смысл обговариваемых вещей, ибо иногда беседа паломников сворачивала в дремучие религиозные дебри, а может быть он был хорошим актером, сказала моя врожденная подозрительность, но это странно для такого отчаянного рубаки коим, несомненно, являлся мой новый германский друг, немедленно откликнулась моя вера в хороших людей.

Убив еще немного времени, мы снова поплелись на палубу. Я принялся смотреть вдаль, а Гарольд долго и громко прокашливался и чихал. Покончив с прочисткой носа и горла, он помочился за борт и, подняв вверх большой палец, важно произнес:

– Зеер гут! – при этом улыбался от уха до уха. Я кивнул и продолжил всматриваться в горизонт, но тот скрывался в ключьях тумана и не желал открывать нам свои тайны.

– Погода как у нас дома! – пояснил свою радость Гарольд, и легкая тень омрачила его чело, но ненадолго, этот великан попросту не мог долго грустить и предаваться унынию. От тряхнул своей гривой и отчетливо произнес:

– Будет лучше!

– Согласен, – откликнулся я по-каталонски, и спросил уже на германском:

– А известно ли вам любезнейший рыцарь, что вручение сумы и посоха как символов паломничества главе похода во все времена сопровождалось серьезными истериками и взрывом религиозного пафоса у окружающих. Например, Бернар Клервосский в городе Везеле рвал свою рясу на полоски и раздавал экзальтированно настроенным верующим, чтоб те нашивали их на одежду в виде крестов, и после того, как толпу обуял восторг, некоторые пребывая в исступлении, раздирали в форме креста плоть свою, и даже вырезали кресты на своем теле.

Гарольд усмехнулся и пробурчал что-то вроде:

– Дуракам закон не писан...

– Ого, смелое заявление!

– Я воин, молитвами пусть занимаются те кому это положено по сану... – немец кивнул в сторону трюма, – я свое скажу добрым мечом и топором тоже могу сказать... Могу

еще ногу кому-нибудь сломать...

– Уважаю вашу точку зрения, – вежливо откликнулся я на сие проявление героизма. – Учти, королю Людовику Папой была вручена вместе с сумой орифламма – знамя французских королей, видимо вместо посоха.

– А это еще причем?

– А притом, что вашим посохом, похоже, будет двуручный меч, а сумой сарацинский колчан для стрел.

Германец шутку оценил и гулко захохотал. Потом насмеявшись вдоволь, вновь стал серьезным и спросил:

– Ты бывал там, Клемент?

– Угу...

– И как там?

Что ему ответить?

– Да как везде, Гар... Тоже люди живут. Увидишь.

– Я люблю смотреть новые места, – мечтательно произнес великан.

Да уж новые места. После разгрома и потери Иерусалима, очень быстро от королевства христиан остались жалкие крохи. Завоевания первых лет были смыты сарацинской волной подобно следам на песке. Мы были чужими в тех краях, сама земля отказывалась терпеть наше присутствие. Палестина была утеряна, утеряно и большинство городов. Сопrotивлялись мусульманам лишь несколько замков на побережье в Антиохии, да в Триполи. Но сопротивлялись с остервенением, до последнего бойца. Держался Тир.

Крестоносцы вступили в Иерусалим почти сто лет назад. Однако, захватив Святой Город, жить там остались единицы. Тем самым власть Папы в Святой Земле удерживалась очень слабо. Уже через девять лет мусульмане и евреи, изгнанные из Иерусалима, добились разрешения оставаться на своих землях в окрестностях города и посещать Город, хотя и без права там жить постоянно.

Иерархия общества тогда выглядела так: неверные в самом низу этой лестницы, чуть выше восточные христиане, потом католики – франки. Тем же яковитам или армянам разрешалось сохранять свою религию, но при этом их считали еретиками и не разрешали даже приближаться к Гробу Господню. Теперь нашего влияния в Иерусалиме нет. Теперь все с точностью до наоборот.

В Городе царит Ислам.

Правда, Саладин, захвативший Святой Город, решил показать, что лоялен к иноверцам, и не стал противиться тому, чтоб оставшиеся в городе христиане исповедовали свою веру. И Гроб Господень доступен паломникам со всего света, но при этом, многие христианские храмы вновь стали мечетями, омыты розовой водой, дабы сам дух католичества исчез из испоганенных христианами стен, и заново открыты для истинных верующих. Для своих, для мусульман.

А вот тамплиеров там не любят. И это мягко сказано, да и есть за что, уж рыцари крови пролили мусульманской...

Лет десять назад я имел честь побывать в тамплиерском

замке Тортоза, что в Сирии, командовал там тогда нынешний верховный магистр Ордена Жерар Де Ридфор, этот старый безумец с руками по локоть в крови, причем как своих, так и чужих, в общем, истинный образчик борьбы за веру. Знающие люди утверждали, что во многом благодаря его тупому фанатизму христианская армия и была разгромлена при Гаттине. А сам он попал в плен.

В свое время де Ридфор, будучи простым фламандским дворянином был вынужден продать свою невесту за золото в количестве ее живого веса. Ну как продал, он-то ничего за нее не получил, все захапал этот бес Раймунд, который Триполийский, под началом которого и служил тогда старина Жерар. Там, что получилось, у девушки этой наследство неплохое было и многие на него глаз положили, Де Ридфор был в числе главных претендентов, но вмешались богатые итальянцы и перекупили невесту вместе с землей и титулом, предложив Раймунду выплатить вес девушки золотом, а в обмен она замуж выходит за их человека. Тот денежки прибрал к рукам, а де Ридфор вышел из себя, расплевался со своим командиром и ушел в орден тамплиеров. Где и преуспел, быстро став одним из магистров. А девица крупная была, говорят, полтораста фунтов. Так-то вот.

Я же выполнял одно поручение, ну это не важно, а важно то, что как раз после моего прибытия сарацины предприняли серьезную попытку штурма этого великолепного во всех отношениях замка. Пришлось задержаться и поучаствовать

в обороне. Жаркое было дело и ничего у них не вышло, скажу я вам. Да. Вот об этом я и поведал Гарольду.

Моему новому другу были интересны и ценовые вопросы в Святой земле и мы немного поговорили о торговых делах. Я рассказал, что цены на товары в Палестине всегда были значительно выше чем у нас, и мы посетовали на то, что тому, кто собирался воевать Гроб Господень, приходилось, хочешь, не хочешь, а все везти с собой.

– Вот и с деревом у них там проблема... – зевая во всю мощь произнес Гарольд и я ним согласился. – Если бы я был купцом, я бы им дерево возил. Дома у нас его много, да только где денег взять?

Жутко захотелось спать. И это на голодный, заметьте, желудок! Чудны дела твои, Господи!

Мы снова спустились в трюм и под бормотанье паломников устроились в уголке. Я прикрыл глаза и ясно увидел главную башню Торгозы и лучников прятавшихся в ней, увидел как живых сэра Томаса, Габриэля, и этого стрелка из Шрусбери... эх, да что ж это за погода такая, клонит и клонит ко сну... Услыхал пение стрел и снова погрузился в сон...

Глава VI

The Byrds “Ballad of Easy Rider”

А знаете, я уже стал привыкать. Снится, ну и снится. Плыть куда-то по воле волн хорошо!

Вообще, скажу я вам, хорошо плыть по воле волн. Куда-нибудь, да принесет.

А сегодня у нас... Сегодня у нас, как бы это сказать... Короче.

Таких дам я называл LaTabla, что в переводе с испанского означало – доска. Нет, нет, Боже упаси, я ни в коем случае ничего против них не имею, чур, меня, чур! Но раз назвал, значит, назвал, и в моей личной классификации женщин, подобные создания имеют такое название. А там вообще много разных названий в моей классификации, и все нетрадиционные, в смысле оригинальные, как мне кажется.

Там есть девушки «потому что». Это которые сразу не дают, а кобелятся, и на все вопросы «не смеются тихо», а четко отвечают: «Нельзя». А когда спросишь: «Почему?»

Отвечают, что? Правильно: «Потому что!» Логично? Еще и как. Как по мне так наша вселенная просто переполнена такими вот простыми вещами, и логичными к тому же.

«Хрен вам, любители оргазма и прочих пошлых, умных слов...» К чему это я? Да видимо, просто так, музыкой навеяло.

Вот, а еще есть дамочки «умные, но несчастные». Объяснять? Думаю не к чему. Или «девушка, достойная большего».

Ох, до чего неприятный типаж, обычно это красивая, но стервозная особа, снисходительно презрительно рассматривающая окружающую реальность и присутствующих в ней мужчин с таким видом, будто познала истину в абсолюте. И абсолютом в данном случае, это не выпитая ею бутылка одноименной водки, а самая, что ни на есть философская категория, данная ей в мыслях и ощущениях.

А мысль при этом одна, где бы найти идиота, который вознес бы ее брэнное тело на пьедестал и при этом покрыл бы его позолотой и драгоценными камнями. Желательно ничего при этом, не требуя взамен.

Не хило? Еще и как!

Самое смешное в том, что идиоты действительно находились и причем, довольно регулярно.

Но проблемы идиотов – это проблемы самих идиотов. И тут уж ничего не поделаешь. Я считал, и довольно справедливо, полагаю, что ни в коей мере не стану повторять чужих ошибок, а потому и был не женат. Да и постоянной дамы старался не иметь, хлопотно это. Все мои романы заканчивались в течение двух-трех месяцев, оттого, что вполне резонно я считал, что этого вполне достаточно.

Более того, по моему глубокому убеждению, вечных романов просто не бывает с учетом того, что человек такое создание, что никак не желает совокупляться с одним и тем же партнером вечно. Это генетически заложено, на уровне подсознания, как у зверей, естественный подбор, отбор и про-

бор. Кто б чего мне не говорил и не доказывал, это есть так. И не надо рассказывать, что не встретил я ту единственную, которая, ну вы поняли. Встречал и не однократно. С золотым ободком правда не попадалась, да и нету их, как Петрович говорит. А уж с ним-то, надеюсь, вы спорить не будете? С Петровичем-то? То- то.

Так, что любезные мои, вся эта романтика не для нас, суровых подземных рыцарей. И нечего нас дурить и рассказывать нам за женскую любовь.

Зашел когда-то в бухгалтерию немного, как говорили в старину, подшофе. Хотел комплимент сделать, говорю: «Ох, какой тут рассадник!» потом чую, не то что-то... Добавляю: «В смысле цветник!»

Обид было! Зато мастерам, которые на тот момент в помещении находились, очень понравилось!

Вот женская любовь к деньгам – это другое дело. Хоть в бухгалтерии, хоть где. Это нормально, и вполне по Фрейду, Дарвину и Ницше. Можете еще для солидности в этот список добавить Федора Михайловича Достоевского, тоже был несчастный человек, натерпевшийся от прекрасной половины.

Кстати, вот с ним бы мы побухали, так побухали, было бы, что обсудить из серьезных человеческих проблем. Раскольников опять же... Не согласен тут я с ним, что старушка, круче надо было брать, круче... Можно же, например, богатеньких додиков подстергать в укромных местах и там мочить.

А деньги отбирать на благотворительность. Додиков же не жалко никому кроме самих додиков. Опять же можно ребят верных найти безбашенных и вместе с ними орден какой-нибудь тайный организовать и куражиться всласть над богатыми. Вот только вряд ли удастся все на благотворительность отдавать, потому что обязательно оружие понадобится, всякая хрень, приспособления, и не факт, что ребята эти себе денег не потребуют. А там только начни, и пошло: у того жена, у того теща. Не напасешься финансов.

А так конечно красиво, типа Белая Стрела или Олень какой-нибудь. Знак придумать соответствующий, это чтоб боялись суки. Тайное, нах, общество, не хухры-мухры, понимаешь...

И вперед с песнями. Я тут уже одного присмотрел, здоровый гад, наглый, ни хуя такого не жалко. Заманить за гаражи, как-нибудь, например, типа там машину обоссать и убежать, он погонится, а там его ждут. Ага.

Или просто вечерком подойти по темноте, пьяным притвориться, начать варнякать разную херню, короче, спровоцировать. А там пусть он только раскроется, а раскроется он обязательно, потому что считает себя пупом земли и царьком, еби его в душу.

А дальше дело техники.

К чему это я? А так просто, размышляю...

И совсем некстати... Вот уже третье поколение, когда-то поселившихся над моим, точнее общим, общаговским бал-

коном голубей, гадит прямо на мою несчастную голову, благо балкон у нас последний, если считать снизу. И над ним только небо. И гадя, пытается выводить своих птенцов над нашей законною территорией, несмотря на потери, это когда яйца со скоростью метеорита вонзаются в серый асфальт.

Нахальное хлопанье их крыльев сводит с ума меня, соседей-курильщиков и всех окрестных котов. Это похоже на бесконечное безумие. Можно, наверное, любить животных, но не тех, что устраивают заповедник у тебя на макушке. Не знаю.

Отвлекся, а ведь хотел чегой-то умного сказать... Ммм. В целом человечество делится на две категории, те, кто ходит под зонтиком, и те, у кого зонтика нет. Это я и понял, сегодня промокнув под дождем.

И вот сидишь, бывало, думаешь. А живи я не в эти в целом сытые и благополучные времена, а где-то в Средневековье, или туда еще глубже. Как бы оно все сложилось. Причем не боярином и не рыцарем, а обычным человеком. И сколько таких до меня прожило, и сколько в землю сырую полегло, и тоже, наверное, думали, а как так? И надеялись на что-то, и верили...

Лучше не думать обо всем этом, проще не думать, а ведь думается. Страшно представить себя средневековым крестьянином, страшно воином первой шеренги, когда на тебя несется толпа разъяренных берсерков, а кроме плеча товарища рассчитывать тебе вовсе не на что.

Или вот те же крестоносцы, что часто приходят ко мне в моих болезненных снах, что гнало их с насиженных мест в неизведанное? Зачем им все это? Много вопросов, ответов нет.

И ведь срывались и ехали, за тридевять земель, это даже по нашим меркам. А по меркам Средневековья? А ну-ка из Фландрии до Хайфы? А вам слабо? То-то... И хорошо еще, что нас грешных воспитывают в рамках добра. А если б зла? Это я к тому, что с детства, по сути, нам Заповеди Господни внушают все кому не лень, начиная с детского сада. Не убий там, не укради. И живут в основном по этим параметрам потом. Плюс опять же судовая система следит, чтоб не грабили, не убивали. Хотя если крадешь вагонами, а убиваешь миллионами, но и судовая система под тебя ложится, ну, да ладно с ними, с «избранными», я про простых людей. Про нас.

Интересно, что бы в мире происходило, если б с детства нам наоборот внушали, всем поголовно, кради и убивай? Все бы в бронниках ходили с оружием? Следили бы друг за дружкой. И истребились бы сами собой довольно быстро. А те, кто остались бы все равно, потом бы к тем же Заповедям бы пришли. Так что ли? Иначе гибель рода человеческого в полном, блядь, объеме...

– Знаешь, я думаю, что когда уже и людей не будет, по улицам все равно будут ездить они... – это Шурик неожиданно вывел меня из меланхолии.

– Кто?

– Гы-гы... Он ткнул пальцем в прижавшийся к обочине старенький автомобиль. – Они – это красные «Жигули»! Прикол?

– Прикол, – согласился я, и мы пошли бухать. А че еще делать? Выходной.

сон

Очередной день плавания был ознаменован сразу несколько печальными событиями, связанными с гибелью помощника капитана. Не то чтобы он был мне особенно близок, но тем не менее, сие видение присутствовало, и я не имею права не отреагировать.

Сначала было все как обычно, честно поделив имеющуюся в наличии снедь, я завтракал в компании Гарольда и уже готовился погрузиться в ставшее для меня за время плавания состояние равнодушного отупения, позволявшее неплохо коротать время во время путешествия, как по палубе пронесся странный ветерок. Ветерок шепота, странных же перемигиваний, в основном среди членов экипажа и вслед за ним стойкое ощущение готовящегося действия.

В трех словах: все замерло в ожидании.

А выяснилось следующее, помощник нашего капитана, некий Карлетто, накануне повздорил с пассажиром. Да повздорил серьезно, и явно не по религиозному поводу, а по поводу нечестной игры в кости.

Ну, баловались этим злом, и члены команды и все прочие, а чем еще прикажете заниматься здоровым мужчинам, заключенным посреди морской пучины в утлом суденышке, в ожидании неизвестного?

Повздорив, решили устроить нечто вроде поединка, и поединок этот был не то, чтобы до смерти, но в принципе, ее подразумевал. Решили так, дабы испытать судьбу, завязать друг другу глаза, стать друг напротив друга, и немного покружив по тесной каюте замереть на месте, а после каждый делает по три шага и рубит мечом туда, куда подскажет ему слепое же провидение, кто останется жив и невредим. Тот и прав.

Не вру, так как, знавал я истории и пострашнее. Придуманные людьми под воздействием винных паров. Но тут на судне выбор аттракционов был весьма ограничен, из-за ограниченности, же в пространстве. Тогда как по времени ограничений не было.

Зрелище получилось на славу. Парни вытащили ножи и стали друг напротив друга, помощник капитана был коренаст и нетороплив и основателен, его противник курчавый и смуглый уроженец Корсики напоминал змею, он долго кривлялся пытаясь вывести помощника из равновесия, водя ножом на уровне глаз противника, а потом неожиданно ужались куда-то вниз похоже пропорол помощнику голень, тот мгновенно озверел, его кажущаяся беспечность исчезла сама собой и он попер на корсиканца подобно закованному в

броню коню. Но и тех бывает, достают, достали и нашего героя, благо из брони на нем был только тяжелый пояс. Корсиканец ушел с линии атаки, буквально перетек куда-то вправо и словно играючи подрезал сопернику сухожилие аккуратно над коленкой.

Ну, и как вы уже поняли, в результате этой странной во всех отношениях дуэли, не повезло помощнику капитана.

Тот не сразу понял, что произошло, крутнулся на месте, но ноги уже не держали, он слегка пошатнулся и корсиканец аккуратно разрезал ему горло под одобрительные крики пассажиров и возмущенные вопли команды.

Германец восхищенно хлопал в ладоши, я прочитал про себя молитву, и настроение у меня испортилось, не люблю напрасных убийств. Думаю, ссоры можно было, и избежать, а виною всему азарт и жажда наживы. Вот шахматы другое дело, Набор шахмат, искусно вырезанных из бука, подарил мне в свое время Гийом, он же и обучал меня этой древней игре. Теперь я повсюду таскаю их с собой. Нравится мне, есть в шахматах что-то от нашей жизни.

Набор не занимает много места в моем багаже, но всегда оказывается к месту, чтобы скрасить мое времяпровождение.

Гарольд, как выяснилось, не умеет играть в шахматы. Но изъявил желание научиться. И скажу вам, способный ученик у меня появился. Память у него просто великолепная. Фигурки, правда, называет на свой лад. Обороне предпочитает

атаку, но стал осторожен, когда я показал ему, как опасно увлекаться атакующими действиями. Стал укреплять тылы. Кстати, я заметил, что в процессе обучения невольно копирую манеру Гийома. Даже стихи декламирую. Тот тоже прямо баллады пел о уязвимости царственной особы и хитростях конницы и бесстрашии пешек, коих Гарольд упорно называет латниками. Некоторые путешественники с интересом присматриваются к нашей игре, но не лезут и не докучают. И двуручник рассматривают с интересом на расстоянии...

Ну и пусть, нам не жалко. Сегодня сыграли четыре партии, и в четвертой уже получилась ничья. Два одиноких вояжа на доске, по выражению моего партнера. Однако. И это в первый же день. А я считал, что обыграю германца легко и в четвертый раз.

Кстати, к поражениям своим он относится спокойно, а вот ничьей обрадовался как ребенок. Сначала, правда не понял, что произошло и озадачился, когда кроме королей на доске не осталось ни одной фигуры. Спросил:

«А как дальше играть?»

Я объяснил, что в шахматах иногда бывает и ничья. Когда встречаются равные игроки. Тогда Гарольд принялся радоваться, даже попрыгал немного, и еще звуки издавал воинственные, и в грудь себя кулачищем колотил. А потом сказал, что жаль, что шахматные фигурки нельзя есть по-настоящему. С особенным удовольствием Гарольд съел бы коня, причем всех. Я возразил, что если бы такое произошло нам

не во что стало бы играть. Германец подумал и заявил, что по прибытию на сушу он изготовит несколько комплектов съедобных шахмат из хлебного мякиша и уверил меня, что к этому времени он уже будет меня обыгрывать. Я пожелал ему всяческих успехов, и мы стали думать чего бы еще съесть, да так, чтоб еды хватило до конца путешествия. Шахматы, как выяснилось, ужасно улучшают аппетит.

х х х

Глава VII

Clannad “Sinil A Run”

явь

А эти разговоры у киосков, на разливе! Это же песнь песней!

– Ты лимончиком неправильно закусываешь. Шкурку не ешь.

– Почему?

– Она грязная, надо мякушку выгрызать. Оно и полезней.

– Хрена полезней, – вступает в разговор абсолютно незнакомый человек в плаще.

– Полезней, я говорю, там самый витамин!

– Хуямин, витамин – в шкуре.

– Залупа у тебя в шкуре, еще по пятьдесят?

– Не...

– А по чуть-чуть?

– По чуть-чуть, угу...

– Не вопрос, тебе мужик брать?

– Бери,– говорит плащ,– а все равно витамин в шкуре.

– Та еб же твою...– О! Анекдот!

– Куме а правда, що тебе Микола в лиси отъибав?

– Та ни, брехня, який там лис – так два берьозки...

Стаканчики из вредной пластмассы, лимончики, апельсинчики, знакомые лица в окошечках. Сигаретки, папироски, зиночки, светочки, иришечки, дешевые зажигалочки, еще по сто, та не, по сто много, а может... может, может, пока может – хорошо...

Потом национальный вопрос непременно, политика, выборы, так их. Футбол, как без него. Армия, причем почему-то котируется именно советская.

– А ты где служил?

– Германия, Грузия, Дальний Восток, Узбекистан. (Нужное подчеркнуть).

– Ну ни хера себе, братан!

– А войска?

– Пехота, авиация, погранцы, десантура. (Аналогично).

– Та вообще! Братуха!!!

– А у вас уставщина была?

– Та не – дедовщина, как положено.

– И у нас...

Работа, работа и еще раз работа.

– На хуя палить денег, когда можно на базаре набрать этих автоматов...

– А им так выгоднее, когда подороже, иначе же откат не получают.

– Отож, суки...

– Отож...

– Пидоры!

– Еще и какие, истинные пидорасы!

– Согласен. Давай по пивку?

– Обязательно.

И все это под рыбку, под килечку, под осьминога, в конце концов, под стружечку, да под разговор.

– Сидим в засаде мы с Трезором

Трезор не ссыт – и я терплю...

– А я недавно в супермаркете мясо акулы брал.

– На котлеты?

– Какие на хрен котлеты! Так жрали, замороженное, под пивко.

– Зачем?

– Просто. Бухие ж были...

А еще про женщин, как без них...

– Хотя, в целом, в целом, заметь. Без них можно обойтись.

– Легко. Они вообще не нужны.

– О! Выпьем!

– Ага...

Пьют.

– Хотя знаешь, была у меня одна, давно.

– И у меня была.

– Та ладно!

– А то...

– Ну давай за них, блядей.

– Давай...

А чуть дальше о науке...

– Умные люди утверждают, что нельзя понижать градус.

Только повышать. Так-то!

– Согласен.

– Потому что с понижением градуса, в организме происходят разные неприятные вещи. Гипертония, там, аритмия, даже отит.

– Итить?

– Иногда... Но редко, а с повышением, только на здоровье, только в удовольствие. Будешь, как бык здоровый, и заметишь, ни одна хворь к тебе не прицепится. Ни там грипп, ни геморрой...

– А у меня уже...

– Грипп?

– Та не, этот.

– А, ну так это уже возраст. Ты какого года?..

– Человеку свойственно, ик, сори, свойственно опасаться чего либо, марсиан, глобального потепления, китайской экс-

пансии...

– Чего?

– Китайской, ик... Короче чего думаешь Гао Цзе не дал император захватить мир? Оттого, что у них был другой план выжидательный. На долгие годы рассчитано все...

У них и флот был и ресурс. А взяли закуклились в своем Китае. На века. А там и британцы подсуетились. Но ничего они свое еще возьмут.

– Та ладно...

– Я тебе говорю!

– ...Бомарше был талантище!

– У него был скверный вкус...

– Нет, ты говоришь предвзято!

А религия?

– ...близость Бога через его творение!

– не смехи...

– Бог и разум не совместимы, ик...

– У тебя ни того ни другого! Кто ты? Я тебя спрашиваю кто ты?

– Буба Касторский, блядь!

– Тогда спляши!

– И спляшу!

И все это до темна, до изнеможения, словно никто не хочет, чтобы наступило завтра. И повышается градус, и отступают болезни, и уходит тоска по безвозвратно утерянному. Короче, «Ромео и Джульбарс или Ебутся Медведи» – траге-

дия в трех актах

И наступает ночь.

Что у нас сегодня? Плавание продолжается?

сон

На Мальте мне предстояло встретиться с другими участниками нашей экспедиции. Так я думал. Честно говоря, моя оранжевая повязка сильно раздражала. Меня. Это надо было додуматься, нацепить ее на меня! И долго так ходить еще? Видите ли, по замыслу пославшего меня так было необходимо. Нельзя что ли амулет какой-нибудь было придумать, или еще чего. Ладно, так, значит так. Мне поручили работу и я должен ее выполнить.

Что представлял собой я без ордена? Никчемную заблудшую песчинку в пустыне бытия. Что представлял собой я без Церкви? Ох... Будучи уроженцем Лангедока я рано покинул родные места, и где только меня не носило, но божественную природу папской власти я признавать решительно отказывался. И с годами все более и более укреплялся в этом еретическом мнении. А что делать? Ну не похожи эти святоши на агнцев, и на ангелов они не похожи. Вот волки в овечьей шкуре, это про них. Но тссс... Я не был катаром, и не причислял себя, ни к какой секте, но в чем-то я разделял взгляды земляков, хотя в целом по жизни старался всеми этими вещами не заморачиваться. Так что пусть они все

вместе взятые, считают меня добрым католиком, а что думаю я по этому поводу, пускай остается моим личным делом.

Теперь о деле. Попутчики... А так ли необходимы были мне эти попутчики? Я настолько привык работать один, что заранее воспринимал их как некую обузу. Судите сами, доставить некую шкатулку, ларец, что там еще, пусть даже и с очень ценным содержимым, обыкновенная курьерская задача. Мне даже не предложили кого-нибудь влиятельного сарацинского вельможу убить по дороге, значит, этого вполне можно было избежать. Тогда почему тот, кто в данный момент владеет Реликвией не может самостоятельно переправить ее в лагерь короля? Тоже вопрос. Одни вопросы. Ясно-сти нет совершенно.

Да, я не знал, что именно мне предстоит доставить, но любая Реликвия всего лишь простите, вещь. А любую вещь можно куда-нибудь доставить, при соответственном уровне подготовки конечно. Тут наш герой скромно усмехается и притупляет взор. Сейчас миссия выглядела так, поди, за три моря и принеси мне неведомо что. Но так ли неведомо?

Итак, я примерно знаю, где она находится, это Иерусалим или его окрестности. Далее Реликвию перевозить проблематично, либо, внимание, человек ею обладающий не может покинуть территорию своего обитания. Узник? Интересный вариант, отметим как резервную версию. Монах, давший обет не покидать своего монастыря? Еще интересней. Значит тогда и Реликвия не может покидать монастыря, особен-

но если она его собственность, или хранится там... С другой стороны – это точно оружие, и очень серьезное, раз Орден желает им вооружиться перед началом Крестового похода.

Мда, однозначно Иерусалим. Количество монастырей и мечетей там зашкаливает, как и количество разнообразных святынь. Причем время от времени святыни меняют места своего пребывания по прихоти руководства этих самых религиозных сооружений. Бывали случаи...

Так что, скорее всего, я стал участником обыкновенной разборки между лицами наделенными властью. Например, захотелось Святому Бернарду стать Пророком... Но препятствует этому некий, скажем, Луи... И пара-тройка Хасанов с той стороны, при том, что все одновременно претендуют на обширный кусок земли с выходом к морю и правами вести беспроцентную торговлю при условии, что некая вещица будет преподнесена в качестве подарка лицу, которое выступит гарантом предстоящей сделки... Как-то так... Не слишком ли я намурил? Не слишком неправдоподобно?

А если по-другому. Допустим герцог, или кто-то еще из верховных, договорился с неким представителем, пусть даже из противоположного лагеря, о том, чтобы за небольшую мзду нам передут, скажем, некую мусульманскую Реликвию, обладание которой, или не так, весть о том, что столь дорогая каждому сарацину вещь теперь принадлежит неверным... Да уж... Политика, тут мне стало неловко. Не люблю политику, а особенно людей, некоторые ею занимаются.

И еще, немного зная о делах подобного рода, я совсем не был уверен, что человек этот, или же группа людей добровольно захотят расстаться с тем, чем владеют. Пусть даже имели место самые серьезные договоренности. Как говаривал один мой давний знакомый: «В вашем саду все ужасно запущено, особенно садовники».

Принадлежность к организации, даже косвенная, давала мне сопричастность к великим деяниям, конфиденциальность и полномочия. Но это по эту сторону моря, по другую сторону делами вершила иная организация, и вершила весьма недурно, потому, вскользь упомянутым выше ассасинам совсем не пристало знать о моей миссии, но охоту за различными Реликвиями они, насколько мне было известно, вели весьма активно, особенно в окрестностях великого Города, куда всевозможные Реликвии стекались со всего света. И тамплиеры, и особая служба султана отслеживали эти вещи и отделяли зерна от плевел, ибо на одну действительно стоящую находку приходилось не менее тысячи вещей никакой ценности не имевших совершенно. Вполне возможно, что деревянный ларец, на поиски которого я отправился тоже, был всего лишь ложной целью.

Ложная цель – забавное словосочетание...

Гордыня – тяжкий грех, и тем не менее, они выбрали меня. Притом, что у Ордена своих штатных лазутчиков, убийц и просто ловких малых хватал. Значит, орден подстраховался на случай провала, чтобы исключить самую возможность

причастности к этому делу. Я не сомневался, что де Фок моментально умоет руки, если я с этой вещицей попадусь в руки неверных.

Да, к моим услугам прибегали в делах щекотливых, не терпящих огласки. Без ложной скромности поясню, что стоил целого отряда, правда, если надо было действовать не в чистом поле, а, скажем так, в условиях затруднительных для противника, которые я сам ему и создавал. Бывали случаи, вспомнишь, так вздрогнешь.

Когда-то конный отряд германцев, таких же красавцев, как и мой новый друг Гар, гнал меня по лесу, осеннему красивому мокрому лесу, в полной уверенности, что жертва окажется именно там, куда ее загоняют. Они были молоды и полны честолюбивых замыслов, у них были луки и добрые кони, в результате я сижу на этом корабле, бессмысленно переставляя шахматные фигурки, подобно перебирающему четки монаху, а мои преследователи тихо и без особого шума отправились поодиночке на небеса. Все восемь человек. А всего-то я использовал принцип «разделяй и властвуй» и умело выбирал места для засад, а не несся сломя голову сквозь кустарник и волчьи ямы.

Что-то не складывалось, и к тому же были сомнения и не малые в том, что все пройдет гладко. Да и любезный мой де Фок, отправляя меня на встречу к герцогу, выглядел странно. словно кто-то ему здорово задницу прищемил. Так мне показалось. И еще мне показалось, что он не хотел поручать

миссию мне. Но у него не было другого выхода. Ну так уж мне показалось. Зная этого старого лиса, я немного научился читать между строк, и улавливать скрытый смысл между слов, произнесенных вслух.

С точки зрения руководства, наилучшими в плане управления были именно фанатики, люди беззаветно преданные системе взглядов, принятых в Ордене, и с одинаковым воодушевлением, шедшие как в бой, так и к обедне. С одинаковым блеском в глазах. Эти были плотью от плоти ордена и работали за идею.

Нет, там тоже хватало уродов. Были красавцы, вроде Антуана Жирного, которые молясь постоянно, отвечали за кассу, и робкий стыд из-за не совсем по делу потраченных денег постоянно пробивался сквозь их неистовую религиозность из глубины их хитреньких свиноподобных глазок. Эта скотина должна мне... так, Клемент, не отвлекаться, позже сочтемся.

И такие были нужны, и их терпели до поры. Ибо отцы Ордена прекрасно понимали одно – человек грешен, и грешен постоянно, как в помыслах своих, так и в поступках, но Господь все видит и знает, как страсти человечьи можно использовать на благие дела. И знание этого процесса, делало отцов – Отцами. За что я любил этих ребят, это за то, что платили исправно, и работа у них была всегда. Интересная.

Большая часть рыцарей храма, были, прежде всего, солдатами, но притом добрыми сыновьями Божьими, и таких вре-

мя от времени следовало посылать на войну. А в мирное время держать в черном теле, чтоб злее были. Одна лишь принадлежность к Ордену уже и так всемерно возвышала их над толпой, а суровый устав говорил, о том, что истинный рыцарь Храма должен быть беден и заботиться о Спасении, как собственном, так и окружающих. Богатства же Ордена вещь угодная Богу и копятся для дел предстоящих и простым храмовником неведомым, и знать каждый должен только лишь то, что должно и не более.

Солнце припекало немилосердно. Где же мои попутчики? Люди, взбиравшиеся на борт нашего судна взамен тех, кто оставался на Мальте, проходили мимо меня безо всякого интереса. Я пытался увидеть или предугадать, кто может стать моим попутчиком. Может быть, этот рыцарь в плаще госпиталяера, что зычно раздает приказы окружающим? Или кто-нибудь из его окружения, хотя бы вон тот немолодой арбалетчик. Как-то странно он смотрит, ах, простите, он крив на один глаз.

А это что за компания оборванцев? Рожи-то, рожи! Одна краше другой! Одеты ужасно, в какие-то рваные плащи, хмелем разит за несколько шагов вокруг, а ведут себя как благородные. Во всяком случае, имеют повадки отпетых грубиянов и любителей выпустить кому-нибудь кишки. Наемники, вроде меня? Похоже. Ох, уж эти сицилийцы, вечно у них заговоры, мятежи и железо из-под плащей выпирает.

Оранжевая мерзкая тряпка, выданная мне герцогом, опо-

стылела мне настолько, что передать это словами было не возможно. Она была возмутительна, она была вызывающе яркой и привлекала ко мне ненужный интерес. В основном смотрели с сочувствием, как на раненого, но я не люблю приковывать к себе взгляды, я люблю быть незаметным...

Притом, что я путешествовал без слуг, выдавая себя за бедного рыцаря, странствующего в поисках приключений на свою задницу. Это как раз никаких вопросов не вызывало, много нас тут таких собралось, тут не то что слуга, тут конь был далеко не у каждого, зато благородного происхождения хватало, многие даже бумагами друг перед другом хвастались, даром, что грамоте не обучены. Я в свое время в юности немало таких бумаг лично изготовил, благо учитель был хороший...

По палубе протопала группа паломников с поводырем, слепые? Похоже на то, идут, бормочут что-то.

Тут появился Гарольд и отвлек меня флягой местного вина. Он уже успел побывать на берегу и теперь вернулся с целым мешком местных достопримечательностей, но судя по его хмурому лицу не в самом лучшем настроении.

– Холодненькое, – сказал он, увлекая меня в тень, – сейчас то, что нужно.

Я согласился и составил ему компанию. Оказалось, что ребята из славного города Любек уже отбыли в Святую землю неделю назад и Гарольд попросту опоздал, но он ни в коем случае не откажется от путешествия и нагонит их в Яфф-

фе. Это было хорошо, и я приложился к фляге.

х х х

Глава VIII

Jefferson Airplane “White Rabbit”

явь

Вот сегодня я сосредоточился во сне и ухватил ключевое слово: «Мальта». Это надо осмыслить, это надо с кем-нибудь обсудить.

Холод становился невыносимым. Свисающие с потолка камеры сосульки напоминали сталактиты.

– Ну, хоть не сыро, – сказал Александр, и я согласился с ним.

«Уж не сыро, так не сыро, это он прав на все сто пудов. Нет, с Шуриком мы обсуждать это не будем». Шурик, он вообще какой? На муфлона похож, я его так и прозвал муфлон, а как еще, если жует все время что-то. Он меня еще спросил, а кто такие муфлоны, я возьми и ляпни, индейцы. Ему понравилось, так и зовем теперь, ничего не обижается.

– Может, костерок соорудим?

Александр постучал пальцем по лбу, своему.

– Ебанулся? Костерок! Нас самих тогда на костерок от-

правят.

Я вздохнул.

– Позамерзаем нахрен. В угоду инквизиторам.

– Ничего страшного, сейчас поработаем, согреемся.

– Водки бы...

Непьющий Александр поморщился:

– Зачем она?

– Ты так не говори, – я погрозил ему пальцем, – тут нельзя такое говорить. Души умерших метрополитеновцев не поймут.

Прогрохотала электричка.

– Вот, – назидательно произнес я, – правда. Слышишь, как воют?

Где-то далеко вверху, ближе к поверхности завывал ветер.

– Тьфу, на тебя, – впечатлился Александр, его так все называли бригаде, Александр, потому что не пил, и иногда строил из себя неизвестно что. А меня просто называли – Саня, чтоб отличать от напарника ВОМДовца. И жалели, потому что знали, сегодня мне будет нелегко. В одиночку я тогда еще не пил.

За этой нехитрой беседой мы уже разболтали решетки и прислонили их к стене.

– И кто это конструкцию такую удумал, интересно?

– На заводе, наверное.

– Не, метростроевцы похоже варили, из того, что было. Вот на той линии хорошие решетки, складные и снимать не

надо, пупок рвать.

– Ой, а то ты не знаешь, что у нас все на пупка.

– Задолбало.

– Ага, еще как. Давай, Санька тебя развяжем, сейчас бы сто пятьдесят в самый раз, да под хамсичку.

– Не я бы под колбаску. Вот раньше...

– Ну да, как говаривал незабвенный капитан Баранов, – Время нынче тяжелое – не до оргазмов...

– Гы...

– Вот тебе и «гы», правда жизни...

Александр задумался о тех временах, когда мог себе позволить, и лицо его приняло одухотворенный оттенок. Наблюдая людей, по тем или иным причинам бросивших пить, для себя сделал вывод: «Ну его на хуй». В смысле бросать. Только вред один для психики, а соответственно для всего организма.

Постепенно теплело, от движения, но от промерзшего пола сквозь подошвы рабочих ботинок тянуло так, что хотелось бежать со всех ног, куда-нибудь на солнце.

Молча собрали и установили съемник. Первая попытка снять подшипник провалилась.

– Ну вот, пиздец, – констатировал Александр.

– Подкрался незаметно, – подсказал я.

Напарник хмуро посверлил глазами непослушный узел и принялся ожесточенно протирать инструмент, это означало крайнюю степень раздражения.

– Делать что будем?

– Сейчас, сейчас. Мы его по-другому зацепим.

Оптимизму Александра мог бы позавидовать сам Карнеги. А еще умению наживать врагов.

Попробовали по-другому, но с тем же результатом.

– Может ну его на хуй? Лом гнется.

Александр завелся не на шутку.

– Если гнется лом, значит... значит, надо другой рычаг.

Рычажок... О!

Его взгляд ухватил забытое строителями сверло, примерно метровой длины.

– Каленое! Примерзло зараза. – и с чувством продекларировал, -

Чтоб не потерять к себе самоуважение,

Я устроил для тебя семяизвержение

После чего схватил кувалду, чтобы отбить сверло от пола.

– На него явно поссали, – предупредил я, – теперь не отобьешь. Знаешь какая моча у метростроя. Шо клей.

– Знаю... Кххм...

Металл звякнул о металл и сверло, сопровождаемое раскатистым эхом покатилося, подпрыгивая по камере отскакивая от бетонных стен, запрыгало по кафельной плитке и угомонилось только в районе затвора.

– Так-то, знай падло, – прокомментировал Александр, по-

добрал сверло, зачем-то подул на него, словно хотел отогреть и вставил вместо рычага.

Через пять минут подшипник не устоявший перед бешеным напором моего вооруженного напарника с громким хлопком напоминающим выстрел слетел с насиженного места.

Я заплодировал, Александр раскланялся, день начинался неплохо.

х х х

сон

Кто-то пьяно протопал в опасной близости от моей головы, я невольно откатился в сторону по палубным доскам.

– Чтоб вас! – судя по голосу, это был все тот же надменный господин, из того десятка странно одетых рыцарей, что присоединились к нам на острове, с немалой компанией слуг и груза. Странность заключалось в том, что по их одежде невозможно было понять к какому роду племени они принадлежат.

– Проклятые нищоброды, нигде нет от вас спасенья!

Он кого-то пнул и свалился на то место, где я лежал секунду назад. От него сильно разило. Очевидно, вне стен монастыря рыцари могли себе позволить, а быть может, это был животный страх перед морской пучиной. Накануне он плел

что-то насчет тварей морских, русалок греховных и прочих опасностей, что поджидают мирных путников в дороге.

– Полегче, милейший! – вырвалось у меня.

– Кто это еще тут! – заревел он, пытаясь подняться на ноги. – Вольдемар!

– Ваша милость!

– Я...

– Эй, приятель, – я ухватил за рукав подоспевшего слугу, – уведи от греха своего господина, иначе дело может плохо кончиться. Для него...

Для убедительности я слегка пнул слугу, и тот не удержавшись на качающейся палубе врезался в хозяина.

– Да, кто это тут! Да я... – господин упал в объятия слуги и тут же стал из них вырываться. Пришлось хорошенько приложить его подвернувшейся под руку колотушкой, не совсем по-рыцарски, но с учетом обстоятельств и окружающей водной стихии, сойдет.

Сознание он не потерял, ибо сопротивляемость пьяных к подобным ударам судьбы, как известно, велика, однако и на ногах не устоял. Упав на колени, он продолжил исторгать из себя угрозы в адрес обнаглевших богомольцев, и что-то там еще про Папских угодников.

Кончилось тем, что слуга все-таки утащил его прочь. Я понемногу успокаивался и подошел к борту корабля, дабы успокоить и свой мочевого пузырь. Звезды тихо мерцали над нашим судном, и полная луна смотрела укоризненно. Суета

сует.

Завершив процесс, я уж совсем было решил продолжить свой отдых, как негромкий голос сзади произнес ключевые слова:

– Святой Бенедикт не ведает о том, что творится под стенами Акры, не так ли?

Я быстро обернулся, сзади стоял и требовательно смотрел на меня средних лет смуглый человек в рясе с надвинутым на лицо капюшоном.

«И никакие они не слепцы», – отчего-то подумалось мне, когда я взглянул в его черные пронзительные глаза. Это были глаза воина и монаха. Шрамы, украшающие его лицо, говорили сами за себя, и я на короткий миг поймал себя на мысли, что смотрю на свое отражение.

– Тамплъ, – непослушным языком произнес я, все-таки это было довольно неожиданно, хотя я и ждал чего-то подобного, – Замок на горе, даст приют страждущим и блаженным.

Монах или воин кивнул и пожал мне руку орденским тайным пожатием, после чего произнес:

– Идем брат, нам о многом нужно поговорить...

Я пошел за ним. Еще два монаха мирно сидели на корме, перебирая четки и творя молитву. При нашем приближении они вскочили и учтиво поклонились. Глядя на их хитрющие итальянские морды, я признал в монахах близнецов. Эти были проще, но как говорится из молодых да ранних.

– Мы братья, – пояснил тот, кто обратился ко мне с паро-

лем, – по вере и по крови. Я – Франциско, это двое Пьетро и Паоло...

– Да уж... – я не знал, что тут и сказать. Петр и Павел да еще и бенедектинец Франциско, что уже само по себе забавно.

Франциско улыбнулся, от его улыбки бросало в дрожь, черты лица исказились неимоверно, шрамы сложились в странный узор... Ммм. Не знаю, как это описать, но смотреть на него стало нестерпимо, я с трудом сдержался, чтобы не отвести взгляд:

– Именно так.

Я скомкал ненавистную оранжевую тряпку и бросил ее за борт. Братья проводили ее полет взглядом.

– Аминь, – прокомментировал Паоло.

– Слишком вызывающая, как по мне, – откликнулся Пьетро.

– И кто у них следит за маскировкой...

– Руки оторвать, – в глазах братьев гуляли веселые чертики. Я непроизвольно сжал руки в кулаки.

– Цыц, – приказал Франциско, и птички щебечущие умолкли в момент, только чертики из глаз никуда не исчезли.

– Забавные ребята...

– Слишком молоды.

– Это, к сожалению быстро проходит. Вас всего трое...

– О, эти двое стоят целой армии...

– Не сомневаюсь...

Один монах шмыгнул носом, другой дал ему подзатыльник.

– Стойте смирно бродяги, – строго шикнул на них Франциско, – Пьетро старше на 20 минут.

– На полчаса...

– Закрой пасть!

Пасть захлопнулась с громким стуком. Франциско отвел меня в сторону.

– Каждый из нашей команды выполняет свою работу. Тот, что постарше отменный лазутчик, проберется там, где не пройдет никто.

– А тот, что помладше?

– О, это особый случай он умеет управлять той штукой, за которой мы идем...

– А что это...

– Не знаю, и никто не знает. Но парень разберется, когда она окажется у него в руках.

«Достали эти загадки, право...»

Мы вернулись к нашим, ммм, баранам?

– Меня зовут Клемент, – сказал я.

– Кто зовет? – неловко пошутил Паоло и уставился на меня своим ясными голубыми глазками.

«А глаза у братьев разные, у Петра серые, у Франциско черные. Чудно.»

Я оскалился и он осекся. Не все выдерживают, я понимаю, у меня Арк примерно также скалится, сарацинские лошади

бегут от него без оглядки. Эти двое воинами не были. Что ж у них другие таланты. Пускай.

– Несчастный случай, – поклонившись произнес старший монах, как я его назвал про себя, – остер подлец на язык и бабам нравится, несмотря на сутану, липнут как мухи.

– Ах, вот как?

Он чуть дернул краешком губы и пригласил меня за собой.

– На этом пока спрашиваемся, я не знаю, кто тут еще плывет с нами, и потому не стоит привлекать внимание частыми беседами. Вы рыцарь, мы служители. По прибытию на место мы будем двигаться к Городу вместе с другими паломниками, приедемся к какому-нибудь каравану, будет неплохо, если вы Клемент наймете в охрану этого каравана, будем держаться вместе.

Я кивнул, все это выглядело разумно.

– И еще, германца своего тоже прихватите, такой человек может оказаться полезным, для нашей миссии...

На том и расстались.

х х х

Глава IX

Grateful Dead “Dead”

Сегодня работаем в ночь. И спать не придется совсем. Ночи, я вам скажу, разные бывают. Бывают, как говорит Петрович, с молодкой, а бывают даже и без водки. Сегодня как раз такая, и все оттого, что действительно надо потрудиться. И еще будет хорошо, если вовремя из туннеля выйдем, а то бывает, что и сигналы уже все закончились, и время жим-жим, а не успеваешь. Хоть плач. Бывало и дежурная в тоннель за нами бегало, мол, уже бы и поезда пора пустить. А вы все трудитесь.

Замена тоннельного водопровода. Целое дело, как положено, с дрезиной, сварщиком, сварочным же аппаратом и толпой долбоебов вроде меня. Которые все это тягают.

Скажу сразу, и все меня поддержат, что центральной фигурой при таком виде работ является сварщик. Попадется хороший, все успеем вовремя, без особого шума и пыли, попадет такой как Блохин, пизда-ляля.

Этот, во-первых, трезвым никогда в ночь не выходит, во-вторых, все нервы выебет окружающим, а в-третьих, что самое интересное – варить не умеет. Резать – да. Варить – нет.

А где хорошего сварщика сейчас найти на государственное предприятие? Негде, все по фирмам. И это факт. Неоспоримый.

А у нас больше из народа. Простые. Один был из бывших эсеров, наверное, не иначе. Бутылка водки с утра вместо зав-

трака, под чебурек, в обед – бутылка, как положено, под кашку с помидорчиком, ну и в шабаш, само собой, разумеется, под че придется, в смысле под че попадется. И хоть бы хуй.

Ну, поварит когда-никогда, ерунду. А трубу никак. Сидит, плачет и никак. Нервный зараза был. Уволился, ушел в ЖЭК.

Другой разговоры любил разговаривать. Вместо работы. Тут тебе, допустим, надо по-быстрому, чух-чух, а он сядет кабеля раскидает и сидит трындит. То электрод не такой, то условия. Всю душу с тебя вынет, падла. Час целый протрындит, потом насрет вокруг шва и давай собираться, и хоть кол ему на голове теши!

Говоришь: «Так оно ж течет!»

А он: «А я причем? Электрод – говно, тройка, а четверки нету».

Ты ему: «Так давай найдем».

А он: «Хрен ты такой как надо его найдешь!»

Вот и поговори с ним.

Ладно, работу ж делать надо все равно, идешь на поиски побираться благо друзей полметрополитена. Приносишь еще через полчаса одолжив какой надо...

А он начинает слова орать всякие малопонятные: Аустенит! Цементит! Зерно крупное, а тут лакуна!

Хер, что докажешь, короче, и так вот приходится работать. По мне чем с этой сваркой заводится, лучше на сгонках слепить, где возможно, а то наслушаешься. Но дело в

том, что на сгонках не всегда можно.

А вот Леха у нас молодец, чик-чирик и готово, да только свалит, наверное, от нас скоро, на себя работать будет. Оно то и правильно, а все равно жаль.

Правда, сегодня он с нами, а это с другой стороны тоже не есть гуд, в том плане, что работать будем не разгибаясь. Он варит, как робот, а мы тягай, только успевай подносить и относить.

И начальство тоже, сука. Не дремлет, посмотрят сколько мы за ночь выгнали и давай план корректировать, а Леху допустим через пару ночей тоже начальство к себе и умыкнет на дачу в корыстных целях, и пришлют какого-нибудь Славика, или Петю... И опять скандал.

Так и живем, а что делать? Начальству оно видней. Да еще Господу Богу, и все... Такие дела. Да.

Ну а сегодня скандал начался сразу, как говориться по выходу на работу. Только собрались на станции в полном составе и сразу крик:

– На хуй оно мне надо!

Это сварщик дядя Федя узнал про сегодняшнее задание.

– Та ладно успокойся!

Это мы в попытке его успокоить.

– Та пошли вы на хуй со своим Захарычем!

Это он про нашего мастера с апломбом.

– Та все будет нормально!

Это опять мы. Чтобы его болезного успокоить по мере

сил. Но тщетно, не хочет Федя успокаиваться.

– Я ебал такую работу! Ясно?

Ясно, чего ж не ясно. В конце концов, бригадир не выдерживает и орет почище Федора, на обе соседние станции говорят слышно было:

– Та пишов ты на хер, сварщик ебанный! И шоб тебя тут я не видел больше, заебал!

Повисла тишина, мы в немом восторге взирали на Петровича, мгновенно взлетевшего в нашем рейтинге на такой пьедестал, что прям головы кружились от этой высоты.

Сказал, так сказал, как отрезал. Понравилась реакция Федора, он вдруг сдулся, надвинул кепку на глаза и как-то совсем по-юношески, шмыгнув носом, сел на скамейку сообщив:

– Ну и хуй с вами,– потом оглядел нас всех и хитренько засмеявшись, сказал, – видать у Петровича депрессия началась, ох и строгий у вас бригадир.

И пальцем еще погрозил.

Петрович закурил и хлопнул Федора по плечу:

– Депрессия бывает разная, жидкая и газообразная! Электрод тебе в лакуну!

Тут уже заржали все и славненько в эту ночь потрудились. Да и по времени нормально получилось.

х х х

сон (дневной, после ночи)

Итак, три брата, втершихся в компанию слепцов-паломников, но видящих при этом отлично. Профессиональный убийца, лазутчик и неведомый умелец. Хороша команда, думаю, их наниматели довольны. Хотя как по мне одному лучше, спокойнее и рассчитываешь только на себя.

Размышляя подобным образом, я вскоре наткнулся на тело несчастного рыцаря-хама. Хотя почему несчастного? Дрых он сейчас без задних копыт и пузыри пускал, вполне себе живой, а мог бы уже общаться с архангелом, или с кем там общается подобная публика после...

Франсиско да, это воин серьезный. Еще из тех. Подобных ребят я определяю сразу. Не чета нынешним. Он был словно из безвременья, в смысле сошедший с фресок, оставшихся со времен Римской Империи.

Именно такими я их представлял, маленьких, но неуступчивых, слаженно сражавшихся в строю. И умиравших вместе. Когда уже все-все кончено. Известно, что строй этих «малышей» легко справлялся с ватагой здоровенных жителей лесов. И это при том, что многие из варваров по праву и по поведению считались берсерками.

В нем скрыта была мощь, не видимая глазу простого смертного, и потому в компании богомольцев он особо не выделялся. До тех пор пока вам не удастся взглянуть ему в его глаза. А там был северный холод, а там было то, о чем

великие философы говорили с почтением: «Конец пути».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.